

ПРИГОВОРЁННЫЙ ЛЕЧИТЬ

— СТАНИСЛАВ РЭЙ —

Станислав Рэй

Приговорённый лечить

<https://litres.ru/74603573>

SelfPub; 2026

Аннотация

Фельдшер Егор Ланцов приходит в себя в теле лекаря, которого везут на казнь. В разделённой империи раны знати и армии исчезают во вратах — и возникают у людей, чьи имена тайно внесены на вторую створку. Осуждённый Арсен Вель отказался назначить целую провинцию платой за чужое спасение, и теперь Егор должен доказать его правоту до исполнения приговора.

Вместе с военной следовательницей Мирой Даль он находит долговые списки, детей-тёзок и следы победы, купленной телами проигравших. Но придворный маг уже готовит новую войну, а каждый самовольный проход открывает Егору дорогу в земную реанимацию. Чтобы вернуться домой, ему придётся оставить тело Арсена ключом для сети. Чтобы остаться, принять рану, предназначенную сотням людей.

Приключенческое медицинское фэнтези о помощи без бесплатного чуда, праве человека на собственную боль и выборе, который нельзя переложить на другого.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Последний вызов	5
Глава 2. Рана без оружия	22
Глава 3. Следовательница приговора	41
Глава 4. Створки лазарета	60
Глава 5. Тело как список	74
Глава 6. Казнь отложена	91
Глава 7. Приёмники	106
Глава 8. Помощь без перехода	125
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Станислав Рэй

Приговорённый лечить

От автора

Эта история начинается с неудобного вопроса: можно ли назвать чудом лечение, если боль не исчезла, а досталась тому, чьего имени мы не знаем?

Егор Ланцов умеет делать то, что умеют люди его профессии: быстро замечать опасное, останавливать кровь, поддерживать дыхание и выбирать очерёдность помощи, когда спасти всех сразу невозможно. В новом мире от него ждут другого — согласия считать одни тела ценнее других. Здесь каменные врата способны перенести рану от солдата к незнакомцу, а придворные называют такой обмен победой над смертью.

В книге нет бесплатного исцеления. У каждого решения есть телесная и человеческая цена. Магия лишь делает эту цену видимой.

Глава 1. Последний вызов

Когда диспетчер сказала «мужчина, сорок семь, не дышит», Егор уже знал, что они опоздают.

Он не обладал предчувствиями и не верил в особое чутьё людей, слишком долго работающих на скорой. Просто в пятницу вечером город встал после мокрого снега, ближайшая свободная бригада была на другом конце района, а вызывавшая женщина трижды перепутала номер дома. Между первым звонком и хлопком дверей машины прошло одиннадцать минут. Ещё девять они ползли вдоль неподвижной вереницы красных фонарей.

— Через двор, — сказал Егор водителю. — У аптеки шлагбаум обычно поднят.

— Обычно, — отозвался Сергеич и вывернул руль.

Машину качнуло на ледяной колее. В металлическом шкафчике за спиной звякнули ампулы. Настя, молодая медсестра со второй подстанции, прижала коленом укладку и посмотрела на Егора так, будто он мог прибавить им времени одним приказом.

Егор не мог. Он проверил перчатки в кармане, мысленно повторил порядок действий и снова спросил адрес у диспетчера. Тот же дом, восьмой этаж, дверь откроет дочь. Женщина на линии кричала уже не в трубку, а кому-то рядом: «Папа, ну давай же».

Шлагбаум оказался закрыт.

Сергеич выругался, сдал назад и повёл машину между гаражами. Сирена отражалась от бетонных стен и возвращалась внутрь салона, будто они ехали в металлической коробке. Егор смотрел на секундную стрелку часов. Работа научила его отличать надежду от счёта. Надежда говорила, что мужчина мог дышать редко и дочь не заметила. Счёт говорил, что мозг не торгуется.

У подъезда их встретила женщина в домашних тапках. Один тапок она потеряла на лестнице и не заметила.

— Сюда, пожалуйста. Он только чай пил. Сказал, грудь жжёт, потом упал. Я делала, как сказали. Я всё делала.

— Вы молодец, — ответил Егор на ходу. — Лифт работает?

Лифт работал медленно. Егор поднялся пешком, Настя за ним. На восьмом этаже дверь квартиры распахнулась прежде, чем они добежали до площадки. Мужчина лежал между столом и холодильником. Под головой была сложенная куртка, на груди — ладони соседки, которая давила быстро, но почти не разгибала руки.

Егор опустился рядом.

— Меняемся. Настя, мешок. Электроды.

Мир сузился до пола, тела и коротких слов. Проверка дыхания. Пульса нет. Голова запрокинута плохо — поправить. Воздух идёт. Компрессии. Ритм на экране. Разряд не показан. Продолжать. Дочь стояла в дверях, обхватив себя рука-

ми, и повторяла: «Он только чай пил».

Егор работал, пока порядок действий имел смысл. Потом работал ещё, потому что рядом была дочь и потому что остановиться всегда труднее, чем начать. На двадцать третьей минуте он посмотрел на часы, на неподвижную линию, на серое лицо мужчины и назвал время.

Тишина после реанимации никогда не была полной. Шипел кислород. На кухне капала вода. За стеной телевизор смеялся голосами людей, которым ничто не угрожало до рекламной паузы.

— Нет, — сказала дочь.

Она произнесла это негромко, словно исправляла ошибку в документе.

— Мне очень жаль.

— Вы же врач. Сделайте ещё что-нибудь.

Егор мог объяснить, что он фельдшер. Мог перечислить всё сделанное и назвать вероятную причину смерти. Вместо этого он снял перчатки и попросил соседку принести воды. Дочь не взяла стакан. Она смотрела на отца, а потом перевела взгляд на Егора.

— Если бы вы приехали раньше?

Правдивый ответ был слишком тяжёл для прихожей, где на крючке висела мужская куртка и из кармана торчал список покупок.

— При внезапной остановке сердца каждая минута важна, — сказал Егор. — Вы сразу позвонили и начали помогать.

Вы сделали всё, что могли.

— А вы?

Он не ответил. Не потому, что не знал. Потому что иногда знание ничего не давало человеку, кроме новой мишени для боли.

На улице мокрый снег перешёл в дождь. Настя молча сложила оборудование. Сергеич курил у капота, хотя три месяца уверял всех, что бросил.

— Поехали, — сказал Егор.

— На подстанцию? — спросила Настя.

Рация ожила раньше, чем он ответил. Диспетчер назвала новый адрес: столкновение на окружной, возможно, трое пострадавших, среди них ребёнок. Ближайшие бригады заняты.

Сергеич бросил сигарету в лужу.

— Последний, — сказал он, открывая дверь. — И хоть увольняйте. Я с шести утра.

Егор тоже был с шести. Последним вызовом у них уже назывались четыре предыдущих. Он сел, притянул ремень и увидел в тёмном окне собственное отражение: осунувшееся лицо, красная полоса от маски на переносице, седой волос у виска. В тридцать один он иногда выглядел старше Сергеича.

— Ребёнок, — напомнила Настя, будто кто-то собирался отказаться.

Машина рванула со двора.

Окружная начиналась сразу за новыми домами. Там ве-

тер швырял мокрый снег поперёк дороги, а фонари стояли далеко друг от друга. Диспетчер уточнила: легковая машина в ограждении, микроавтобус поперёк двух полос, ещё один автомобиль остановился помочь. Кто именно ранен, звонивший не понял.

— Пусть пожарных гонят, — сказал Сергеич. — Там отбойник, если зажало, мы голыми руками не вытащим.

— Уже едут.

Егор придерживал укладку. Он думал не о дочери умершего и не о вопросе, на который не ответил. Сейчас существовали только будущие пострадавшие, ещё без лиц. Сначала безопасность. Число людей. Кто ходит — в сторону. Кто не отвечает — дыхание. Сильное кровотечение. Очередность. Не бросаться к тому, кто громче кричит.

На повороте сирена захлебнулась. Свет фар выхватил белую стену летящего снега и чёрный бок грузовика впереди.

— Сергеич!

Водитель уже тормозил. Колёса потеряли дорогу. Машину повело влево, потом вправо. Настя вскрикнула и вцепилась в ремень. Егор увидел ограждение совсем близко — ржавое, с клочьями снега на верхней кромке. Удар пришёлся в передний угол, резкий, но не самый страшный. Страшным был второй звук: глухой толчок сзади, от которого салон сложился гармошкой.

Егора бросило вперёд. Ремень впился в грудь. Что-то тяжёлое сорвалось с крепления и ударило его сбоку по голове.

На несколько секунд свет исчез.

Он вернулся рывком — вместе с запахом пластика, металлическим скрежетом и чьим-то протяжным стоном. Во рту было солоно. Егор попытался вдохнуть и почувствовал, как боль обводит рёбра узким горячим обручем.

«Не двигаться резко».

Мысль возникла сама, рабочая и спокойная. Он пошевелил пальцами ног. Потом рук. Левая ладонь слушалась хуже. Перед глазами двоилось, но лица Насти он различил: она висела на ремне, головой вниз, потому что машина легла на бок.

— Настя.

Она не ответила.

— Настя, слышишь меня?

Стон повторился. Не она — Сергеич впереди. Егор нащупал застёжку ремня и остановился. Если отстегнуться сейчас, он упадёт на разбитое окно. Сначала опора. Он упёрся ногой в край шкафчика, одной рукой взялся за поручень и только тогда нажал кнопку.

Боль в груди усилилась, но воздух входил. Голова кружилась терпимо. Он спустился на колени среди осколков и добрался до Насти.

На виске у неё была кровь. Дыхание частое, ровное. Пульс на шее быстрый. На обращение не реагировала. Егор удержал её голову ладонями, насколько позволяла теснота.

— Сергеич, не двигайся! Слышишь?

— Слышу... Ногу зажало.

— Дышать можешь?

— Могу. Материться тоже.

Хороший признак, хотя и не гарантия. Егор потянулся к рации. Крепление было пустым. Аппарат лежал где-то под смятым сиденьем и трещал чужими голосами. Телефон в кармане разбился. Снаружи ревел двигатель — их или машины, которая ударила сзади.

Егор попытался увидеть дорогу через лобовое стекло. Вместо дороги там была паутина трещин и снег, окрашенный мигающим синим светом. Значит, маяки работали. Их заметят.

Настя вздохнула глубже и закашлялась.

— Не вставай, — сказал Егор. — Мы попали в аварию. Я рядом.

— Вызов...

— Доедет другая бригада.

Он хотел верить, что это правда. До места первого столкновения оставалось меньше километра. Теперь на окружной было как минимум две аварии и слишком мало свободных машин.

Запах стал резче.

Не бензин. Дизель, горячая резина, жидкость из разбитых ампул. Егор прислушался. Где-то у задних дверей щёлкало пламя или замыкала проводка.

— Сергеич, питание можешь выключить?

— Ключ... не достаю.

Егор посмотрел на Настю. Оставить её без поддержки головы было плохо. Остаться в машине при возможном пожаре — хуже. Он осторожно уложил её на сложенную куртку, велел не двигаться и пополз вперёд.

Каждое движение отзывалось в груди тупым ударом.водительская кабина смялась. Сергеич сидел боком, прижатый рулевой колонкой и дверью. Из голени торчал светлый обломок — не кость, понял Егор, кусок пластика. Крови было немного, но штанина быстро темнела выше колена.

— Где сильнее болит?

— Нога. И спина. Егор, там дымит.

Теперь он тоже увидел дым: тонкая струя тянулась из-под панели. Егор повернул ключ. Двигатель умолк, вместе с ним погасла сирена. В наступившей тишине стало слышно, как по крыше стучит снег.

— Сейчас вытащим вас, — крикнул кто-то снаружи.

Свет фонаря скользнул по салону. Егор выдохнул. Он назвал число пострадавших, состояние Насти и Сергеича, предупредил о зажатой ноге. Голос снаружи повторил всё кому-то ещё. Правильные слова, правильная последовательность. Помощь пришла.

— А ты? — спросил Сергеич.

— В сознании. Дышу.

— Это я вижу. Кровь у тебя.

Егор коснулся шеи. Пальцы стали красными. Он не по-

чувствовал боли, только тёплую влагу за ухом. Голова вдруг сделалась тяжёлой, будто кто-то налил в неё воды.

— Носилки сюда! — раздалось снаружи.

Заднюю дверь рванули. Металл застонал. В проёме появилось лицо пожарного под мокрым шлемом. Егор начал докладывать снова, но слова распались. Он точно знал, что должен сказать: механизм травмы, потеря сознания, дыхание, кровотечение. Вместо этого услышал собственный голос издалека:

— Сначала девушка. Потом водитель. Он зажат.

— Вас как зовут?

— Егор.

— Егор, сидите спокойно. Сейчас наденем воротник.

— Там ребёнок... дальше по дороге. Первый вызов. Проверьте.

— Проверят. Смотрите на меня.

Фонарь ослепил правый глаз. Егор хотел отвернуться, но пожарный удержал его голову. В левом глазу свет расплылся большим белым пятном.

— Зрачки разные, — сказал кто-то.

Эти слова предназначались не ему. Поэтому они испугали сильнее.

Он попытался спросить про Настю, но не услышал ответа. Руки стали чужими. Холод вошёл под куртку, хотя в салоне было душно. Его уложили, закрепили голову, понесли. Над ним вместо потолка оказалось чёрное небо со снежинками.

Они летели прямо в лицо и почему-то не таяли.

На дороге стояла другая скорая. Двери распахнулись. Егор узнал врача — Татьяну Олеговну с центральной подстанции — и испытал нелепое облегчение от того, что можно перестать руководить.

— Как девушка? — спросил он.

— Занимаются. Не разговаривай.

— Сергеич... кровотечение выше колена, зажат.

— Слышала.

Она разрежала ворот его формы. Холодный кружок фонендоскопа коснулся груди. Кто-то установил катетер с первой попытки. Егор отметил это с профессиональной благодарностью и тут же забыл.

— Давление падает, — сказал незнакомый голос.

— Егор, аллергия есть?

— Нет.

— Заболевания?

Он хотел пошутить, что трудоголизм в карту не внесён. Не получилось. Во рту мешал язык.

Машина тронулась. Татьяна Олеговна говорила с приёмным отделением. Егор ловил отдельные слова: черепно-мозговая, анизокория, нестабильный, готовьте. Он смотрел в белый потолок и думал о мужчине на кухонном полу. Каждая минута важна. Дочь спросила, сделал ли он всё. Теперь этот вопрос можно было задать о нём самом, но ответа Егор уже не контролировал.

Монитор записал быстрее.

— Не отключайся, — сказала Татьяна Олеговна. — Егор, смотри на меня.

Он смотрел. Её лицо становилось то чётким, то размытым. За плечом врача блеснула металлическая дверца шкафа. В ней Егор увидел отражение и не сразу понял, почему оно неправильное.

На носилках лежал человек с чёрными волосами до плеч. Лицо было худым, со свежим синяком на скуле. На шее темнела широкая полоса, похожая на след верёвки.

Егор моргнул. Отражение исчезло.

— Есть контакт? — спросила Татьяна Олеговна.

— Здесь другой человек.

— Здесь только мы. Какой человек?

Он хотел объяснить, но потолок раскололся на две белые плоскости. Между ними открылась узкая чёрная щель. Из щели тянуло сыростью и дымом. Егор услышал скрип колёс — не резиновых, а деревянных, — и мерный звон цепи.

— Давление?

— Семьдесят на сорок.

— Егор!

Имя прозвучало в последний раз. Потом кто-то захлопнул створки.

Он очнулся от удара затылком о доску.

Первым пришёл холод. Не стерильный холод приёмного покоя и не мокрый ветер окружной, а въедливый, земляной.

Так холодит подвал, где стены никогда не видят солнца. Егор вдохнул и закашлялся. Воздух пах лошадьё, старой соломой и железом.

Над ним раскачивался низкий полотняный верх. Под спиной дрожала телега. Руки были сведены впереди и стянуты металлической полосой. На каждом толчке края наручей впивались в кожу.

Егор закрыл глаза. Галлюцинация после травмы. Возможно, он в машине, а мозг собирает картину из звуков. Скрип — носилки. Лошадь — резина или лекарство. Оковы — ремни фиксации.

Он сосредоточился на теле.

Голова болела, но иначе: тупо, у основания черепа. В груди не было горячего обруча после ремня. Пальцы слушались. Язык двигался свободно. Зато левое плечо тянуло старой болью, в правом боку саднило, а на обеих ступнях чувствовались незажившие порезы.

Егор открыл глаза и поднял связанные руки.

Они были не его.

У него были коротко остриженные ногти, шрам у большого пальца и светлые волосы на предплечьях. Эти кисти оказались узкими, с длинными пальцами, испещрёнными тёмными точками ожогов. Под ногтями засохла чёрная масса. На запястье шёл круглый багровый рубец, будто кожу когда-то опоясывала раскалённая проволока.

Телега налетела на камень. Его отбросило к борту.

— Очнулся, лекарь? — спросил мужчина напротив.

На деревянной скамье сидел солдат в сером плаще поверх нагрудника. Короткое копье он держал между коленями. Лицо у него было обветренное, небритое и слишком настоящее для сна.

Егор посмотрел на одежду солдата, на железные заклёпки, на пар изо рта. Потом на собственные руки.

— Где я?

Голос тоже был чужим — ниже, с хрипотцой.

Солдат усмехнулся, но взгляд не стал веселее.

— В миле от Южных ворот. До площади часа два, если снег не завалит тракт.

— Какой площади?

— Висельной. Забыл свой приговор?

Егор сел. Внутри телеги качнулись двое других стражников. Один дремал, прижав к груди арбалет, второй смотрел наружу через разрез в пологе. У заднего борта стоял закрытый деревянный ящик, перетянутый цепью. На крышке была выжжена эмблема: две узкие каменные арки, обращённые друг к другу.

— Моё имя, — сказал Егор. — Как меня зовут?

Теперь усмешка исчезла.

— Арсен Вель. Придворный лекарь. Изменник. К утреннему колоколу — покойник. Ещё что-нибудь напомнить?

Егор уцепился за край скамьи. Доска впилась в ладонь. Он чувствовал каждую занозу.

— Меня зовут Егор Ланцов.

Дремавший стражник открыл один глаз.

— Началось, — пробормотал он. — Вчера молчал, сегодня бесами прикинулся.

— У меня была авария. Скорая помощь. Машина перевернулась. Со мной были двое: Анастасия и Сергей. Мне нужно узнать, что с ними.

Солдат напротив медленно поднял копьё и упёр тупой конец Егору в грудь.

— До площади довезти тебя живым. Разговаривать не велено.

Егор посмотрел на древко, потом на пальцы солдата. Костяшки побелели. Человек боялся его. Не как буйного задержанного — как того, кто мог сделать что-то одним прикосновением.

— Я не знаю, кто такой Арсен.

— Суд знает.

— Тогда мне нужен врач.

— Ты и есть лекарь.

— Нет. То есть да, я фельдшер, но...

Слова не имели здесь смысла. За пологом цокали копыта. В щель он увидел заснеженную дорогу, чёрные сосны и всадника в таком же сером плаще. Ни фонарей, ни проводов, ни звука двигателя. На горизонте поднималась крепостная стена.

Егор заставил себя дышать медленнее. Паника не отвеча-

ла ни на один вопрос. Он мог считать происходящее бредом, пока бред не требовал решения. Сейчас требовалось понять, угрожает ли что-нибудь этому телу кроме объявленной казни.

Он осторожно ощупал голову. Свежей раны не нашёл. Зрачки проверить нечем. Тошноты нет. Память о себе сохранена до потери сознания. Чужое имя ничего не отзывает. Нашее — болезненная полоса, но кожа цела. Под грубой рубашкой пальцы нащупали десятки рубцов: тонкие, толстые, прямые, рваные. Некоторые располагались там, где у одного человека не могло накопиться столько разных травм и остаться сил ходить.

У правого края груди был круглый след, похожий на старый ожог. Ниже — две ровные линии, будто от хирургического разреза, но без обычных следов швов. На животе кожа ныла при каждом вдохе.

— Не трогай знаки, — резко сказал солдат.

— Какие знаки?

Тот отвёл взгляд.

Егор опустил руки. Вопросов становилось больше, но один был важнее: как прожить следующие два часа.

— Кто приказал меня казнить?

Никто не ответил.

— За что?

Младший стражник с арбалетом хмыкнул:

— За тех, кого не вылечил.

— Хватит, Торм, — сказал старший.

— А что? Пусть вспомнит. Восемьдесят семь бойцов оставил с ранами, когда мог открыть створки. Двенадцать умерли до утра. За каждого ему прочли на суде.

Егор перевёл взгляд на ящик с изображением арок.

— Какие створки?

Старший ударил копьём по полу.

— Замолчи.

Под колёсами что-то хрустнуло. Телега накренилась. Снаружи крикнул возница, лошади рванули, и в тот же миг солдат у полога дёрнулся всем телом.

Он не вскрикнул. Просто схватился за шею и широко открыл рот.

Егор увидел, как между его пальцами выступила кровь.

Сначала тонкой нитью. Потом толчком.

Копья и приговора больше не существовало. Егор метнулся через телегу, насколько позволяла цепь.

— Прижми здесь!

Солдат не понимал. Кровь текла из рваной щели сбоку шеи, которой секунду назад не было. Ни стрелы, ни клинка. Кожа словно разошлась сама.

Егор перехватил его руку и вдавил пальцы выше раны.

— Сильнее. Не отпускай. Торм, ткань! Чистую, какую найдёшь.

Младший застыл с арбалетом.

— Он его проклял.

— Ткань! — рявкнул Егор тем голосом, которым перекрывал сирену и чужой плач. — Хочешь, чтобы он истёк кровью?

Приказ оказался понятнее страха. Торм сорвал шарф. Старший стражник ещё держал копьё, но смотрел не на Егора, а на раненого.

— Сними железо с рук, — сказал Егор. — Мне нужны обе.

— Нельзя.

— Тогда держи рану сам. Вот здесь. Если ослабишь, он умрёт.

Старший побледнел.

В этот момент из закрытого ящика донёсся глухой стук. Потом второй. Выжженные арки на крышке засветились по краям тусклым синим огнём.

Раненый солдат выгнулся. На его шее появилась ещё одна тонкая трещина, будто невидимое лезвие продолжало резать кожу изнутри.

А под рубахой Егора, на чужой груди, старый круглый рубец вспыхнул такой болью, что он едва не отпустил чужую руку.

Телега неслась к крепости. Над дорогой звонил утренний колокол.

Егор зажал рану человека, который вёз его на казнь, и понял только одно: до площади они могут не довезти никого живым.

Глава 2. Рана без оружия

— Железо с рук! — повторил Егор.

Телега металась по колее, и удерживать пальцы на скользкой от крови шее становилось труднее с каждым толчком. Раненый хрипел. Его глаза закатились, ноги били по доскам.

Старший конвоя, до сих пор державший копье, схватил Егора за плечо.

— Что ты с ним сделал?

— Пока ничего. Поэтому он умирает.

— Орек был цел.

— Вижу. Снимай браслеты или зажимай сам.

Егор говорил резко не ради убедительности. В голове оставалось место только для последовательности действий. Остановить кровотечение. Освободить дыхательные пути. Не дать человеку захлебнуться. Всё остальное — чужое тело, крепость впереди, казнь — могло подождать несколько минут.

Торм подал сорванный шарф. Грубая шерсть сразу пропиталась красным. Егор сложил ткань в несколько раз и прижал к ране, стараясь не давить на дыхательное горло. Щель на коже шла наискось, от угла нижней челюсти к ключице. Слишком ровная в середине и рваная по краям. Так не резал нож, особенно внутри закрытой телеги.

Из ящика снова донёсся удар.

Синие линии вокруг выжженных арок стали ярче. Орек дёрнулся, и кровь пошла сильнее.

— Ключ, — сказал Егор.

Старший смотрел на светящийся ящик.

— Варн, — прохрипел Торм. — Если он сдохнет, госпожа Даль с нас шкуру снимет.

— Если лекарь сбежит, она снимет голову.

— Куда я сбегу из телеги? — Егор кивнул на полог, за которым мелькали всадники. — Одними руками от пятерых вооружённых людей? Решай быстрее.

Орек перестал биться. Его тело обмякло.

— Решил за тебя, — сказал Егор. — Теперь держи здесь.

Варн опустился на колени и прижал свёрнутый шарф там, где показал Егор. Делал он это неловко, всей ладонью, но достаточно сильно. Егор сунул связанные руки ему под нос.

Ключ оказался на цепочке под нагрудником. Варн отпёр широкое кольцо, соединявшее запястья, но оставил металлические обручи. Егор не спорил. Проверил дыхание раненого: редкое, с булькающим звуком. Кровь попадала в рот.

— Повернём его на бок. Голову и плечи вместе. Торм, держи затылок. Нет, не тяни за шею.

— Ты же сказал не отпускать рану.

— Варн не отпустит.

Они уложили Ореку под спину свёрнутый плащ, чтобы телега не перекатывала его обратно. Егор разжал челюсти пальцами, очистил рот краем ткани. Раненый судорожно

втянул воздух.

— Возница! Остановливай! — крикнул Варн.

Снаружи отозвались. Телега замедлилась, колёса вязко прошли по снегу и замерли. Стало слышно тяжёлое дыхание людей.

Егор приподнял окровавленный шарф на ширину пальца. Рана продолжала сочиться, но уже не била толчками. Сосуд удалось прижать. Если повреждён крупный, одной повязки надолго не хватит. Нужен человек, который умеет оперировать, инструменты и чистое помещение. Егор не знал, существовало ли здесь хоть что-нибудь из этого.

— Где ближайший лекарь?

Торм уставился на него.

— Ты.

— Другой.

— У Южных ворот лазарет, — ответил Варн. — Но нам приказано ехать на площадь.

— До площади он не доживёт.

— До ворот полмили, — сказал возница из-за полога.

— Тогда туда.

Варн поднял голову. На его лице появилось выражение человека, которого пленник только что отдал приказ при свидетелях.

— Решаю я.

— Решай. Площадь — труп. Лазарет — шанс.

— А если это твои чары?

Егор посмотрел на светящиеся арки. Сияние слабело, словно ящик насытился тем, что произошло.

— Тогда тем более вам нужен кто-то, кто понимает ваши чары. Я их впервые вижу.

Слова прозвучали безумно даже для него. Варн перекрестил пальцы необычным движением: коснулся большого пальца сначала указательным, потом безымянным. Защита от лжи или злого глаза. Наконец он велел вознице сворачивать к воротам.

Телега тронулась медленнее. Егор остался на полу рядом с Ореком. Пульс у того был быстрым и слабым. Кожа становилась серой. Егор приказал поднять ноги на мешок, потом велел Торму накрыть раненого ещё одним плащом.

— Ему жарко, — сказал Торм.

— Это кажется. Он теряет кровь и остывает.

— Откуда ты знаешь, если ничего не помнишь?

— Этого я как раз не забыл.

Торм перестал спорить. Он держал голову товарища, следя за каждым вдохом. Молодой, заметил Егор. Не больше двадцати. Под редкой бородой дрожал подбородок.

— Орек говорил с тобой перед раной? — спросил Егор.

— Нет.

— Трогал ящик?

— Никто его не трогал. Его печатали при тюрьме.

— Что внутри?

Варн ответил вместо него:

— Не твоё дело.

— Если ящик порезал человеку шею, это моё дело хотя бы до лазарета.

— Ящик не режет.

— Оружия я не видел. Стрелы нет. Полог цел. До того как загорелся знак, раны тоже не было. Потом знак загорелся, человек начал истекать кровью, а у меня заболел рубец. Можешь назвать это иначе, но связь есть.

Варн положил ладонь на крышку, не касаясь изображения. На цепи висела круглая свинцовая печать. Егор различил оттиск короны над теми же двумя арками.

— Это судебное имущество, — сказал Варн. — Личные принадлежности осуждённого и запечатанная створная книга. На эшафоте передаётся палачу.

— Створная книга содержит имена?

Молчание подтвердило догадку.

Егор посмотрел на Орека. На кожаном нагруднике у того была пришита небольшая пластина. По краю шли мелкие насечки, а в середине — несколько знаков. Он не знал письма этого мира, но среди линий узнал вырезанную фигуру, похожую на букву «О» с разрывом.

— Его полное имя.

— Зачем? — спросил Варн.

— Скажи.

— Орек Дан, сын Кела.

На груди у Егора снова кольнуло. Не болью — предупре-

ждением. Он расстегнул верх рубахи и увидел круглый рубец. Тот налился красным, а по краям проступили четыре тонкие линии.

Торм отшатнулся.

— Знак приёма.

— Что он принимает?

— Не прикидывайся, — прошептал молодой стражник.

— Ты сам такие ставил.

Егор коснулся рубца. Кожа была горячей. Рана Орека на его теле не появлялась, но он чувствовал в глубине чужую пульсацию, как от зубной боли.

— Такие знаки переносят повреждения?

— Лечат, — поправил Варн.

— Орек выглядит вылеченным?

Старший не ответил.

Телега остановилась у ворот. Снаружи спорили. Один голос требовал пропуск, другой кричал, что осуждённых в лазарет не принимают. Варн вылез, оставив копьё Торму. Егор продолжал прижимать повязку и считал вдохи раненого.

Десять за половину минуты. Слишком редко. Он потёр Орeku грудину костяшками. Тот застонал и попытался оттолкнуть руку.

— Хорошо. Не спи.

— Я... где?

— У Южных ворот. Тебя зовут Орек. Ты ранен.

Солдат моргнул. Его ладонь поползла к шее.

— Не трогай. Держи мою руку. Сожми.

Пальцы сомкнулись слабо.

— Кто меня резанул?

— Никто, — сказал Торм и тут же коснулся пальцами груди от дурного глаза.

Орек повернул голову к ящику. Страх сделал его взгляд ясным.

— Книга.

— Ты знаешь, что случилось? — спросил Егор.

— Имя... вчера переписывали караул.

— Кто переписывал?

Полог откинулся. Варн вернулся с двумя мужчинами в длинных кожаных передниках. За ними стояла женщина с серой косой и медным обручем на лбу.

— Осуждённый отойти, — приказала она.

— Если убрать давление, кровь пойдёт снова.

Женщина посмотрела на повязку, потом на Егора. В её глазах не было суеверного страха, только раздражение человека, которому привезли лишнюю работу.

— Я вижу, где твои руки. Отойдёшь, когда я подменю.

Она опустила руку рядом, поставила пальцы точно и уверенно. Егор ослабил нажим. Кровь не хлынула. Он позволил отеснить себя к борту.

— Когда появился разрыв? — спросила женщина.

— Несколько минут назад. Без удара. Сначала тонкая рана, затем расширилась. Кровотечение сильное, пульс слабый

и частый, сознание терял. Кровь попадала в рот, на бок повернули. После остановки давления не снимали.

Она подняла бровь.

— Говоришь, будто не забыл ремесло.

— Моё ремесло я помню. Его мир — нет.

— Его мир, — повторила она и посмотрела на Варна. — Головой ударился?

— В тюрьме был цел. Проснулся и назвался Егором.

— На плахе кем угодно назовёшься.

Женщина велела помощникам перенести Орека. Носилок не было; они подсунули под него плотное полотно с ручками. Егор проследил, чтобы голову не запрокинули, и только после этого встал.

Ноги едва не подвели. В чужом теле оказалось меньше сил, чем обещали длинные руки. Перед глазами потемнело, грудной рубец обожгло. Он ухватился за борт.

— Осуждённый остаётся, — сказал Варн.

— Нет, — ответила женщина. — Если Орек умрёт, мне потребуется тот, кто видел начало. И если это створная рана, потребуется человек со знаком приёма. Везите обоих во двор.

Варн напомнил о приказе и утреннем колоколе.

— Тогда объяснишь следовательнице, почему предпочёл привезти на казнь лекаря вовремя, а её солдата мёртвым.

Имя госпожи Даль подействовало снова. Варн сжал челюсти и махнул Торму.

Егору вернули общее кольцо на запястья. Цепь от него пристегнули к поясу Торма. Ящик понесли отдельно, на двух шестах, словно он мог укусить.

За воротами стояли низкие каменные здания, прижатые к внутренней стороне крепостной стены. Лазарет Егор узнал не по вывеске, а по запаху: дым, кипячёная ткань, кровь, испражнения и уксус. Во дворе теснились люди в военной одежде. У одного рука висела на перевязи, другой кашлял в тряпку. Несколько человек повернулись на кандалный звон.

— Это Вель, — сказал кто-то.

— Тот самый?

— Из-за него двенадцать могил.

Егор опустил голову не от стыда, а чтобы не споткнуться о порог. Чужая вина уже имела лица. Если Арсен действительно отказался лечить солдат, почему? План говорил — ради других, но Егор пока не знал этого как собственной памяти. Здесь его ждала только половина приговора.

Орека внесли в комнату с двумя узкими столами. Женщина в медном обруче назвалась мастерицей Равой. Она срезала ворот нагрудника и промыла кожу тёплой водой с резким травяным запахом. Егор стоял у стены под копьём Варна и видел достаточно, чтобы тревога усилилась.

Разрыв был глубоким. Его края не совпадали, словно кусок ткани выдернули изнутри. Однако крупный сосуд, похоже, оказался надорван, а не перерезан полностью. Давление спасло Ореку жизнь, но рану требовалось закрыть.

Рава достала из жаровни тонкие щипцы и изогнутую иглу.

— Чем обезболите? — спросил Егор.

— Маковым молоком. Мало, иначе перестанет дышать.

— Он уже дышит редко.

— Поэтому мало.

Ответ был разумным. Егор замолчал. Он не имел права учить человека, который явно знал своё дело, особенно без понимания местных средств.

Помощник Равы открыл Орека рот и влил несколько глотков мутной жидкости. Тот закашлялся. Егор невольно шагнул вперёд; копьё Варна легло поперёк груди.

— Я не мешаю. Подложите что-нибудь под плечи, голову чуть поверните. Если его вырвет на спине, захлебнётся.

Рава коротко кивнула помощнику. Под плечи положили валик.

— Ты правда не Вель? — спросила она, не отрываясь от раны.

— Тело его. Я — нет.

— Удобно.

— Совсем нет.

Её губы дёрнулись, но улыбки не получилось. Она ввела иглу. Орек застонал сквозь зажатую между зубами кожу.

У двери поднялся шум. Стражники пытались внести ящик, но цепь на крышке натянулась сама собой. Свинцовая печать задрожала. Синие линии снова загорелись.

— Назад! — крикнул Егор.

Все замерли.

На внутренней стороне предплечья Орека появилась красная царапина. Она углублялась на глазах.

Рава отдёгнула иглу.

— Створная книга, — сказала она. — Кто открыл пару?

— Печать цела, — ответил Варн.

— Пара не здесь. Где-то открыли вторую створку.

Егор подошёл, несмотря на копьё. Новая рана на руке была тонкой, длиной с ладонь. Не опасной, но совершенно невозможной.

— Остановите ящик снаружи. Унесите подальше.

— Расстояние не размыкает пару, — сказала Рава.

— Тогда как её разомкнуть?

— Вычеркнуть имя, закрыть обе створки или принять перенос полностью.

— Что значит принять?

Она посмотрела на его круглый рубец.

— Ты знаешь.

— Не знаю.

Свет на крышке пульсировал. На плече Орека проступил синяк. Потом ещё один — у ключицы. Кто-то далеко, по другую сторону невидимой связи, получал помощь. Каждое исчезающее повреждение возникало на теле конвоира.

Егор подошёл к ящику.

— Его имя внутри. Нужно вычеркнуть.

— Судебная печать, — сказал Варн. — За вскрытие каз-

нят.

— Меня и так казнят. Дай ключ.

— Печать не ключом снимают.

Егор оглядел цепь. Звенья были толстыми, замок — тяжёлым. Свинцовый круг держал не саму крышку, а короткую проволоку, пропущенную через проушины. Её можно было перекусить щипцами Равы.

— Если не открыть, Орек примет следующую рану. Может быть, смертельную.

— Мы не знаем, кого лечат, — возразил Варн. — Там может быть князь. Или сотня бойцов.

— А здесь один человек, который не соглашался умирать за них.

Варн отвёл глаза. В этой паузе Егор впервые увидел основу местного чуда. Не тайное знание, не редкий камень. Чей-то приказ решить, чья боль заметна, а чья считается расходом.

Рава протянула щипцы.

— Я не дам их осуждённому, — сказал Варн.

— Тогда режь сам.

Старший конвоя стоял между ящиком и столом. Орек тихо стонал. На его лице росла багровая полоса от виска к щеке, как след сильного удара. Свет арок становился ярче.

Наконец Варн взял щипцы. Подвёл к проволоке. Руки у него дрожали.

— Госпожа Даль спросит, кто нарушил печать.

— Скажешь: ты выбрал живого солдата, — ответил Егор.

— Она спросит, на каком основании.

— На том, что приказ довести меня живым ты исполняешь усерднее, чем обязанность сохранить своего человека.

Варн зло посмотрел на него и сжал рукою.

Проволока лопнула. Свинцовая печать упала на каменный пол.

Свет погас не сразу. Он пробежал по выжженным аркам, собрался в середине крышки и ударил вверх короткой синей вспышкой. Все лампы в комнате погасли. Орек закричал.

Егор на ощупь нашёл его руку. Под ладонью перекачивались мышцы, будто тело пыталось вытолкнуть из себя невидимую вещь. Круглый рубец на груди Егора вспыхнул ответно.

Перед глазами возник белый потолок машины скорой.

Всего на один миг. Татьяна Олеговна склонилась над кем-то, сжимая дыхательный мешок. Монитор показывал редкие широкие пики. Егор видел сцену сверху и одновременно лежал под её руками.

«Я здесь», — попытался сказать он.

Вместо голоса раздался звон упавшей крышки.

Лазарет вернулся. Егор стоял на коленях у стола, вцепившись в руку Орека. Из носа у него текла кровь.

— Вель! — крикнула Рава.

— Не Вель.

Он вытер кровь рукавом и повернулся к ящику. Крышка

была открыта. Внутри лежала каменная пластина, сложенная из двух половин на медных петлях. Левая половина была испещрена именами, правая казалась почти пустой. Одно имя на ней светилось.

Егор не умел читать здешние знаки. Но тело Арсена узнало их раньше разума. В груди дрогнул рубец, язык сам сложил звуки:

— Орек Дан.

Рядом мелко, свежей резьбой, стояли ещё два обозначения.

— Третий караул Южной дороги, — прочитал Торм из-за плеча. — Нас вписали всех.

Варн выругался. Его имя тоже было на камне. И Торма. Кто-то превратил весь конвой в запас тел, пока они везли книгу на казнь.

— Вычёркивай, — сказал Егор.

— Камень не царапают железом, — ответила Рава. — Нужна кровь писца или створный мел.

— Где взять?

Она кивнула на круглый рубец у него на груди.

— У писца кровь уже есть.

Егор понял не сразу. Потом посмотрел на ожоги на длинных пальцах Арсена.

— Арсен внёс их?

— Не знаю. Но книга откликнулась на твой знак.

Торм схватил Егора за ворот.

— Это ты нас вписал!

— Отпусти, — сказал Варн.

— Он убивает Орека, а потом делает вид, что спасает!

Егор не сопротивлялся. У молодого стражника были причины для ярости. Но пока тот тряс его, на шее Орека проступила новая красная линия.

— Если хочешь узнать правду, сначала оставь друга в живых.

Торм разжал пальцы.

Рава полоснула Егору подушечку большого пальца тонким ножом. Кровь выступила быстро. Она прижала его руку к светящемуся имени.

Камень был ледяным. В ту же секунду Егор почувствовал чужую рану у себя на шее — не настоящую, а возможную, как память о боли, которой ещё не случилось. В голове прозвучало слово. Не голос и не приказ, просто смысл: принять.

Он отдёргнул руку.

Имя осталось.

— Нужно стереть, — сказал Егор.

— Створка предлагает тебе принять перенос, — ответила Рава. — Так писец размыкает пару без второй книги.

— Тогда рана перейдёт ко мне?

— Вся оставшаяся доля.

На Земле он просил людей подписать согласие на отказ от госпитализации. Объяснял риск, проверял, поняли ли они. Здесь камень не объяснял ничего. Он только подсовывал вы-

бор тому, чья кровь открывала дверь.

Егор посмотрел на Орека. Тот был бледен, но дышал. Если принять неизвестный остаток, Егор мог погибнуть до площади. Если отказаться, погибнуть мог человек, уже потерявший слишком много крови. Однако существовал третий путь, о котором местная привычка словно запрещала думать.

— Где вторая створка? — спросил он.

— Книга покажет направление, если дать ей тепло, — сказала Рава.

— Не перенос. Направление.

— Можно закрыть огонь до первого порога. Риск есть.

— Делайте.

Рава поставила каменную пластину ребром на жаровню. Медные петли нагрелись. Имена потемнели, кроме одного, светящегося на левой половине. От него по камню протянулась синяя черта и упёрлась в край, обращённый к крепости.

— Внутри города, — сказал Варн.

— Близко, — добавила Рава. — Иначе линия была бы тоньше.

Егор вынул пластину щипцами и закрыл половины. Свет померк, но не исчез.

— Кто мог открыть вторую створку у Южных ворот?

— Военный смотр сегодня, — ответил Торм. — На площади ставят коронные двери. Показывают, как армия уходит в бой целой.

Варн посмотрел на него так, будто тот выдал государ-

ственную тайну.

— Значит, кого-то лечат перед толпой, — сказал Егор. — А платит караул, который везёт неудобного свидетеля.

— Ты пока не свидетель, — произнёс новый голос от двери. — Ты осуждённый, нарушивший судебную печать.

В комнату вошла высокая женщина в тёмной военной форме. Снег таял на её коротком плаще. Волосы были собраны на затылке, на поясе висели меч и плоская металлическая коробка с гербом весов. Она осмотрела Орека, вскрытый ящик, печать на полу и остановила взгляд на Егоре.

— Мира Даль, следователь военного суда, — представилась она. — Кто распорядился свернуть конвой с пути?

Варн вытянулся.

— Я, госпожа следователь. Ради жизни рядового Дана.

— Кто вскрыл книгу?

— Я.

— По чьему совету?

Варн помедлил.

— Осуждённого Веля.

Мира подошла ближе. Егор ожидал увидеть в её лице ненависть или презрение. Там было другое — сосредоточенность человека, который уже заметил несходство между привычным объяснением и лежащими перед ним вещами.

— Арсен Вель не советует, — сказала она. — Он семь месяцев либо молчал, либо требовал прочитать имена тех, кого двор называет пустыми. Почему заговорил сегодня?

— Потому что я не Арсен Вель.

— Разумеется.

— Меня зовут Егор Ланцов. Я фельдшер. Был ранен в аварии и очнулся в телеге.

Она не улыбнулась.

— А рядовой Дан ранен чем?

— Переносом. Внешнего удара не было. Его имя внесли в книгу вместе со всем третьим караулом. Вторая створка открыта где-то в городе, вероятно, на вашем смотре. Если её не закрыть, следующий перенос может убить его или остальных.

Мира перевела взгляд на каменную пластину.

— Эти имена вчера проверяли при мне. Третьего караула там не было.

— Значит, их добавили после проверки.

— Печать была цела, — сказал Варн.

— Печать доказывает только, что проволоку не разрезали, — ответил Егор. — Она не доказывает, что имена нельзя внести через вторую половину.

Рава тихо произнесла:

— Можно. Если обе книги однажды лежали вместе и писец оставил общий след.

Мира посмотрела на неё.

— Почему судебный мастер не сообщил этого на слушании?

— Потому что вы не спрашивали, можно ли подменить

закрытую книгу с другой стороны.

Несколько секунд слышалось только потрескивание жаровни.

— Колокол через час, — сказал Варн. — На площади ждут осуждённого.

Мира подняла с пола свинцовую печать. На обратной стороне под короной была глубокая царапина, похожая на половину той самой арки.

— Теперь ждут не только его, — сказала она. — Закройте книгу. Рядового оставить мастерице. Конвой усилить. Мы едем на площадь и найдём вторую створку до того, как там откроют следующий перенос.

— А казнь? — спросил Торм.

— Приговор действует.

Она повернулась к Егору.

— Ты всё ещё должен умереть к утреннему колоколу, кем бы себя ни называл. Но если рядовой Дан получил рану без оружия из запечатанной судебной книги, сначала ты покажешь мне, как это произошло.

Егор взглянул на Орека. Рава уже накладывала последний шов. Солдат был жив.

Это была небольшая победа: один человек, один час, один отложенный вопрос. В его прежней работе большинство побед выглядели именно так.

Только прежде за дверью не ждала виселица.

Глава 3. Следовательница приговора

На этот раз Егора посадили не в открытую телегу, а в крытую тюремную карету. Она была тесной, с двумя скамьями вдоль стен и решёткой вместо заднего окна. Ящик со створной книгой стоял на полу между сапогами Варна. Новую проволоку на проушины не надели. Мира Даль сама обвязала крышку кожаным ремнём, продела в пряжку тонкую металлическую пластинку и сделала на ней отметку остриём ножа.

— Это удержит книгу? — спросил Егор.

— Нет. Это покажет, открывали ли её руками.

— А если имя добавят через вторую створку?

— Тогда я увижу, чего стоит судебная печать.

Она села напротив. Рядом с ней устроился незнакомый солдат с коротким арбалетом. Торм остался в лазарете возле Орека, и Егор был этому рад. Молодой стражник всё ещё смотрел на него как на человека, который сначала перерезал его товарищу горло, а потом выторговал себе отсрочку спасением. Разубеждать такого словами было бесполезно.

Карета тронулась. Колёса застучали по камню. В узком окошке поплыла крепостная стена, затем низкие дома Южного предместья. Снег здесь превратился в серую кашу. Люди расступались перед конвоем и провожали карету взгля-

дами. Некоторые узнавали герб военного суда, некоторые — лицо Арсена за решёткой. Один мужчина поднял руку, будто собирался бросить ком грязи, но передумал.

Мира положила на колени плоскую коробку с весами. Внутри оказались не письменные принадлежности, как ожидал Егор, а десяток мелких предметов: моток нити, медная игла, две стеклянные склянки, сургуч, складной нож, кусок мела и набор пластинок с выбитыми знаками.

— Назови себя ещё раз, — сказала она.

— Егор Ланцов.

— Годы.

— Тридцать один.

— Место рождения.

Он назвал город, область и страну. Мира не переспросила, хотя ни одно слово не могло быть ей знакомо. Она взяла пластинку и сделала царапину мелом.

— Последнее, что помнишь до телеги.

— Авария. Наша машина скорой помощи врезалась... — Егор остановился. — У вас есть повозки, которые едут без лошадей?

— Нет.

— Тогда это придётся объяснять долго.

— У осуждённого мало времени, но у следствия его ещё меньше. Объясняй точно.

Егор рассказал. Не всё: сейчас имена Татьяны Олеговны, Сергеича и Насти ничего бы ей не дали. Он описал доро-

гу, скользкий асфальт, машину с носилками и лекарствами, удар, перевернувшийся мир и чужое отражение. Когда он назвал электрический свет, Мира потребовала объяснить, чем он отличается от огня. Когда сказал про рацию, заставила повторить, как голос может идти без человека. Он отвечал как мог, всё больше чувствуя себя не свидетелем, а шарлатаном, который нагромождает чудеса в надежде, что одно из них покажется убедительным.

— Удобная страна, — сказала Мира. — Повозки без лошадей, свет без свечей, голоса без гонцов. И проверить нельзя.

— Я не выбирал, откуда сюда попасть.

— Арсен Вель умел рассказывать о невозможном убедительнее. Это было частью его ремесла.

— Он говорил с вами?

— Я задаю вопросы.

— Тогда спрашивайте о том, что можно проверить.

Варн кашлянул, скрывая то ли удивление, то ли предупреждение. Мира не обиделась. Она выбрала из коробки одну стеклянную склянку, вытерла её рукавом и протянула Егору.

— Что внутри?

Жидкость была прозрачной. Егор не открыл пробку.

— Не знаю.

— Ты лекарь.

— Именно поэтому не стану пробовать неизвестное из судебной коробки.

— Вель назвал бы по запаху.

— Я не Вель.

— Или хорошо играешь потерю памяти.

— Если хотите проверить навыки, дайте больного, а не загадку.

Мира забрала склянку.

— Вода. Я набрала её в лазарете при тебе.

— Значит, вы проверили осторожность.

— И самолюбие. Вель скорее солгал бы, чем признал, что не знает.

Карета качнулась на выбоине. Варн придержал ящик ногой. Егор услышал, как внутри каменные половины тихо стукнулись друг о друга.

— Вы допрашивали Арсена до приговора? — спросил он.

— Дважды.

— Он объяснил, почему не открыл ворота для солдат?

Мира смотрела в решётчатое окно.

— Он заявил, что имена на второй стороне принадлежат живым людям.

— И ему не поверили?

— Все имена принадлежат живым людям. Иначе перенос не состоится.

— Я спрашиваю не об этом. Те люди соглашались принять раны?

Арбалетчик пошевелился. Варн опустил взгляд на сапоги. Даже здесь, в закрытой карете, вопрос звучал опаснее обви-

нения в подлоге.

— Согласие не входит в условия действия коронных створок, — произнесла Мира.

— В действие — возможно. В лечение входит.

— Ты успел понять устройство империи за один час?

— Я успел увидеть человека с разорванной шеей. Ему не объяснили, что он должен получить чужую рану.

— Рядовой Дан служит короне. Вступая в службу, он принял военный риск.

— Риск получить стрелу в бою — да. Риск, что кто-то тайно впишет его в камень и перельёт в него раны неизвестного человека, — нет.

— Разница удобна тому, кто хочет сорвать военную операцию.

— И тому, кто хочет остаться живым.

Мира закрыла коробку. Разговор, похоже, дошёл до границы, за которой она не желала спорить при конвое.

— Покажи руки.

Егор поднял скованные запястья. Она повернула его ладони к свету. На пальцах Арсена были тонкие белые полосы от порезов и ожог у основания большого пальца. Ногти короткие, кожа пропитана въевшимися тёмными пятнами.

— Что видишь?

— Руки человека, который работал с ножом, иглами или горячим металлом. Старые мелкие порезы. Этот ожог глубже. На правой ладони мозоль не там, где была у меня.

— Где была у тебя?

Он показал место, где привык держать ручку носилок и сжимать рукоять медицинского чемодана. На чужой коже там было гладко.

Мира взяла иглу, провела остриём по его левому указательному пальцу и неожиданно уколола мизинец. Егор отдёргнул руку.

— Чувствуешь оба?

— Укол на мизинце. По указательному вы только провели.

— Вель потерял чувствительность на двух пальцах после пожара у Северных створок.

Егор коснулся подушечек. Все ощущались одинаково. Он посмотрел на Миру.

— Значит, либо вы солгали, либо я чувствую иначе.

— Я солгала.

— Зачем?

— Человек, притворяющийся потерявшим память, часто соглашается с подсказкой. Особенно если подсказка объясняет то, чего он не знает.

— Я уже сказал: проверяйте то, что можно увидеть.

— Я и проверяю.

За окном улица расширилась. По ней шли солдаты в тёмно-синих плащах, торговцы закрывали ставни, мальчишки бежали вслед за барабанщиками. Над крышами виднелись две башни, соединённые полотнищами. На красной ткани белела корона, окружённая семью арками.

К утреннему колоколу готовился праздник.

— Что сегодня на площади? — спросил Егор.

— Смотр полков перед походом.

— И казнь между речами?

— После присяги лекарей. Твой приговор должен напомнить им цену отказа.

Егор почувствовал холод, хотя карета была закрыта. Арсена собирались убить не только в наказание. Его смерть была частью обучения: все, кто умел управлять створками, должны увидеть, что приказ важнее вопроса о второй стороне.

— Восемьдесят семь бойцов, — сказал он. — Столько было у дверей?

Мира едва заметно нахмурилась.

— Ты помнишь число.

— Мне его назвали в тюрьме. Двенадцать умерли.

— Назвали также имена?

— Нет.

— А Вель назвал на суде все восемьдесят семь. Потом перечислил сто сорок три имени со второй створки. Сказал, что это жители Мирной Пади. Суд проверил долговые номера, но не людей. В книгах округ существовал, долги существовали, разрешение наместника было.

— Значит, он не отрицал, что мог спасти солдат.

— Не отрицал.

— Он отказался выбирать их за счёт тех ста сорока трёх.

— Он выбрал двенадцать могил.

— Нет. Он отказался выбрать сто сорок три. Тот, кто послал бойцов под удар, зная, что можно переложить последствия, выбрал могилы раньше.

Варн резко поднял голову. Арбалетчик положил палец на спусковую скобу.

— Осторожнее, — сказал он.

— С чем? С приговором? Он уже вынесен.

— С обвинением командования.

Мира подняла ладонь, и солдат убрал палец.

— Твои слова очень похожи на слова Веля, — сказала она.

— Потому что у нас одинаковые глаза и руки или потому что арифметика не меняется?

Она долго молчала. Карета свернула, и теперь из-за стен доносился гул толпы. Егор различал выкрики торговцев, ржание лошадей, ритмичные удары молотов. Где-то устанавливали помост.

Мира достала одну из пластинок. На ней был выбит профиль мужчины с впалыми щеками и длинными волосами.

— Узнаёшь?

— Нет.

— Это Вель в день суда.

Егор поднёс пластинку ближе. Изображение было грубым, однако черты совпадали с лицом, которое он видел в отражении металлической чаши: тот же прямой нос, высокий лоб, узкая борода. Только взгляд у изображённого человека был другим — не испуганным, а усталым и упрямым.

— Зачем такие делают?

— Чтобы нельзя было подменить осуждённого.

— Удобно, — сказал Егор. — Подменить человека внутри тела вы не предусмотрели.

Варн фыркнул. Мира спрятала пластинку.

Впереди раздался свист. Лошади дёрнулись, карета резко остановилась. Ящик скользнул по полу. Варн прижал его сапогом, арбалетчик ударился плечом о стену. Снаружи закричали.

— Что случилось? — спросила Мира.

Возница ответил не сразу:

— Женщина под колесо упала. Сама будто.

— Не открывать, — сказал арбалетчик.

Егор уже слышал другой звук — частый, сиплый вдох за тонкой стенкой. Потом кто-то ударил ладонью по дверце.

— Помогите! Она синяя!

Мира посмотрела на Егора.

— Вот тебе больной.

— По голосу диагноз не ставят.

— Освободить ему одну руку, — приказала она.

Арбалетчик возразил, но Мира уже открывала дверь. Холод ворвался внутрь вместе с шумом улицы. На дороге лежала пожилая женщина в коричневом платке. Рядом валялась корзина с репой. Её тело судорожно вздрагивало, рот был открыт, но вдох почти не проходил. Вокруг собирались люди.

Егор спрыгнул с подножки. Цепь тянулась от правого за-

пьястья к поясу Варна, левая рука была свободна. Он опустился возле женщины.

— Все отойдите. Дайте воздух.

Кто-то сказал, что осуждённый сейчас её добьёт. Мира встала так, чтобы закрыть Егора от толпы.

Женщина была в сознании. Глаза широко раскрыты, пальцы скребли горло. На коже шеи не было раны. Губы синели. Егор наклонился к её лицу, увидел во рту кусок светлой мякоти и указал на рассыпанную корзину.

— Она ела?

Мальчик лет десяти кивнул, плача.

— Репу. Шла и ела.

Женщина ещё могла кашлять, но звук становился тише. Воздух проходил плохо. Егор помог ей повернуться набок, велел кашлять, несколько раз ударил основанием ладони между лопатками. Кусок не вышел. Женщина обмякла, попытка вдоха стала беззвучной.

— Держите цепь свободнее.

Он поднял её на колени, встал сзади, обхватил одной рукой под рёбрами. Вторую ему не освобождали. Одной рукой толчок получался слабым.

— Мне нужны обе.

— Нет, — сказал арбалетчик.

— Тогда она умрёт у вас перед сапогами.

Мира вынула ключ. Наручник раскрылся.

Егор обхватил женщину, нашёл место выше пупка и сде-

лал резкий толчок внутрь и вверх. Первый не помог. Второй тоже. На третьем изо рта вылетел кусок сырой репы. Женщина судорожно втянула воздух и закашлялась.

Толпа отпрянула, затем заговорила вся разом.

Егор уложил женщину на бок и проверил дыхание. Оно оставалось шумным, но проходило. Пульс был частым. Она открыла глаза и попыталась сесть.

— Лежите. Не спешите.

— Бабушка! — мальчик бросился к ней.

— Она тебе кто?

— Бабка Рина.

— Рина, слышите меня?

Женщина кивнула. Сказать пока не могла.

— Пусть её осмотрит лекарь. Если начнёт снова задыхаться, если не сможет говорить или посинеет — сразу зовите помощь.

— Тут рядом двери лекарей! — крикнул кто-то. — Провести через них, и всё.

Люди расступились, показывая небольшую арку в стене дома. На камне висела табличка с изображением ладони и монеты. У входа сидел писец в меховой шапке.

— Для прохода нужна вторая сторона, — сказал Егор.

— Долговой двор примет, — ответил писец. — За три медяка кашель, за пять удушье.

Рина вцепилась в рукав внука и отрицательно замотала головой.

— Она уже дышит, — сказал Егор. — Сейчас ей нужен осмотр, а не перенос на неизвестного человека.

— Если горло распухнет, осмотр не спасёт, — возразил писец.

— А перенос спасёт её и заставит задыхаться кого-то в долговом дворе?

— Он на то записан.

В этом будничном ответе не было жестокости. Писец говорил, как кассир о цене билета. От этого Егору стало ещё холоднее.

Мира жестом подозвала городского стражника.

— Доставить женщину в лазарет у Южных ворот. Передать мастерице Раве: удушье после пищи, помощь оказана, сейчас дышит. Мальчика взять с ней.

— А плата? — спросил стражник.

Она показала знак суда.

— Запишешь на военное следствие.

Рина схватила Егора за руку. Её пальцы были ледяными.

— Спасибо, лекарь.

Толпа услышала последнее слово. Кто-то узнал лицо Арсена. С задних рядов выкрикнули:

— Он не лекарь, он убийца!

Другой голос ответил:

— Убийца только что спас её без дверей.

По людям прошла волна. Мира велела надеть наручники и посадить Егора обратно. Сделала это быстро, прежде чем

спор превратился в драку или проповедь.

Когда дверь кареты закрылась, гул остался снаружи. Егор сел, тяжело дыша. Чужое тело дрожало от напряжения. Круглый рубец на груди ныл, будто напоминая о предложении книги принять чужую рану. Здесь ничего переносить не пришлось. Понадобились три толчка и две свободные руки.

— Так лечат в твоей стране? — спросил Варн.

— Так помогают, когда человек подавился.

— Без трав, знаков и створок?

— Вы видели.

Мира снова открыла коробку и сделала отметку на пластинке.

— Вель знал этот приём? — спросил Егор.

— На суде никто не подавился.

— Но вы видели его работу раньше.

— Он бы потребовал створку. Не потому, что не умел иначе. Он считал, что раз боль можно передать, нельзя терять время на способы, которые могут не помочь.

— А потом перестал так считать.

— Или стал выбирать, чья жизнь достойна его рук.

— Любое лечение — выбор. Если у тебя один бинт и двое раненых, ты выбираешь, кому он нужнее. Но нельзя делать вид, что второй человек — не человек, только потому что он далеко.

Мира провела большим пальцем по краю коробки.

— Ты не назвал средство, которым Рава промывала ра-

ну. Не узнал створную книгу. Не прочитал ни одного имени. Не знал судебного знака. Но остановил кровь Дана и сейчас освободил дыхание женщины движением, которого я не видела.

— Этого достаточно?

— Чтобы признать историю о другом мире? Нет. Чтобы не считать твоё поведение обычной уловкой Веля — достаточно.

Это была первая уступка, и Мира произнесла её так сухо, будто вписала в протокол вес украденного мешка.

— Теперь мой вопрос, — сказал Егор. — Почему вам приказали довести Арсена живым, если казнь назначена через час? Конвой мог просто привезти тело.

— Приговор должен быть исполнен публично.

— Поэтому в лазарете вы первым делом проверили, жив ли я, а не сбежал ли? Поэтому на конвой наложили приёмные имена? Кто-то хотел, чтобы я получил чужие раны по дороге, но не умер до площади.

Варн выругался шёпотом.

Мира смотрела на ремень вокруг ящика. Металлическая пластинка оставалась целой.

— Приказ был точнее, чем принято для обычной казни, — сказала она наконец. — Довести Веля живым, в сознании и способным приложить кровь к коронной створке.

— Зачем?

— Перед казнью он должен открыть показательный пере-

ход. Полковой сотник получит учебную рану. Осуждённый подтвердит, что сеть действует, затем рану отправят на заранее назначенного приёмника.

— То есть Арсена заставят сделать именно то, за отказ от чего казнят.

— Его казнят за двенадцать погибших солдат.

— И используют, чтобы остальные лекари поняли урок.

Она не ответила.

— Кто назначен приёмником на площади?

— Имя запечатано во второй книге.

— Вы его не знаете.

— Нет.

— Тогда Орек мог быть не случайной жертвой. Караул вписали как запас. Если показательный приёмник умрёт или имя окажется ложным, рана уйдёт в людей, которые находятся рядом и не могут отказаться.

— Это предположение.

— Проверьте книгу.

— Ремень цел.

— Не ремень. Имена.

Мира велела остановить карету во дворе ближайшей кордегардии. Ворота закрыли, солдат выставили у входа. Ящик поставили на стол в пустой комнате с одним окном. Мира сверила отметку на пластинке, перерезала ремень и открыла крышку.

Каменные половины лежали тёмные. Имена третьего ка-

раула сохранялись на левой стороне. Егор не мог прочесть их, но узнал длину строк и место имени Орека. Ни одно не светилось.

— Сколько? — спросил он.

Мира провела пальцем по рядам.

— Было девятнадцать. Сейчас двадцать.

Варн подошёл ближе.

— Нас девятнадцать.

— Кто двадцатый?

Мира прочла имя вслух:

— Арсен Вель.

Егор посмотрел на круглый рубец под рубахой, хотя сквозь ткань ничего нельзя было увидеть.

— Его имя добавили после лазарета?

— Или проявили, когда книга приблизилась к паре, — сказала Мира.

— Что это меняет?

— Створка на площади уже открыта.

В ту же секунду имя в нижнем ряду вспыхнуло синим.

Боль вошла под правое ребро без удара. Егор согнулся, цепью задел край стола и рухнул на колени. Воздух вышибло из лёгких. Он прижал ладонь к боку и почувствовал под пальцами целую кожу, но внутри словно провернули тупой железный крюк.

Мира захлопнула книгу. Свет пробился сквозь щель.

— Что с ним?

— Не трогайте, — выдохнул Егор. — Сначала... дыхание.

Он заставил себя сделать вдох. Правый бок отозвался резкой болью. Перелом ребра? Ушиб? Повреждение внутри? Он не мог определить без осмотра. На Земле такого пациента повезли бы на снимок и наблюдали за дыханием, давлением, цветом кожи. Здесь до площади оставались улицы и один колокол.

Варн разрезал рубаху у бока. На коже проступал продолговатый багровый след, будто Егора ударили древком копья.

— На смотре учебная рана, — сказала Мира. — Сотнику должны сломать одно ребро тупым мечом.

— Очень... убедительное обучение.

Она опустила её рядом.

— Можешь идти?

— Могу. Не значит, что безопасно.

— Если рана внутри?

— Следите, не станет ли хуже дышать. Не посинею ли. Не начну ли терять сознание. Мне нужен покой, но его, похоже, не выдадут.

Мира поднялась и отдала приказ закрыть все ворота кордегардии.

— Варн, отправь гонца к площади. Коронную створку не трогать, показательный удар отменить.

— Моего приказа не хватит, — сказал он.

— Тогда пусть скажет: судебная книга приняла рану до удара.

— Но удар ещё не нанесён, — произнёс арбалетчик.

Егор, всё ещё стоя на коленях, поднял голову.

— Значит, это не учебная рана.

Снаружи ударил первый колокол. Низкий звук прокатился по крышам, заставил дрогнуть оконное стекло и отозвался в ушибленном боку.

Мира снова раскрыла книгу. Имя Арсена погасло, зато сияющая черта от него тянулась к краю камня, обращённому не к главной площади, а к северо-востоку.

— Вторая створка не на смотре, — сказала она.

— Тогда что ищет конвой на площади?

Она взглянула на Егора иначе, чем в начале допроса. Не как на осуждённого и не как на свидетеля, которому можно верить наполовину. Как на улику, которую кто-то пытался уничтожить, не нарушив приказа доставить целой.

— Подмену, — ответила Мира. — Коронные двери там для толпы. Настоящую пару спрятали в другом месте.

За первым ударом последовал второй. До казни оставалось меньше часа.

Мира закрыла книгу и затянула ремень.

— На площадь поедет пустая карета, — решила она. — Пусть тот, кто открыл вторую створку, думает, что мы всё ещё в ней. Варн поведёт конвой. Мы с Вель... с Егором пойдём по линии.

— Приговор требует его присутствия, — напомнил Варн.

— А мой приказ требует довести его живым. Сейчас эти

два требования мешают друг другу.

Она протянула Егору руку. Он принял её и поднялся, стараясь не сгибать правый бок.

— Вы мне поверили? — спросил он.

— Я поверила книге. Тебя продолжаю проверять.

— Честно.

— Не принимай это за милость. Если до колокола мы не найдём пару, я доставлю тебя на площадь сама.

— А если найдём?

Мира посмотрела на светящуюся черту, проступавшую даже под закрытой крышкой.

— Тогда у твоего приговора появится ещё один свидетель.

Глава 4. Створки лазарета

Северо-восточная улица шла вверх, к старому крепостному валу. Егор нёс закрытую книгу под плащом, прижимая её левой рукой. Каждый шаг отзывался болью справа. Дышать удавалось только неглубоко, и он злился на себя за то, что невольно бережёт ушиб: если ребро сломано, щадить бок разумно, но пока он не знал даже этого.

Мира сняла форменный плащ и вывернула его тёмной подкладкой наружу. Знак суда спрятала в сумку. Теперь прохожие видели женщину в простой куртке и высокого мужчину с руками, скованными впереди. Хорошей маскировкой это не было, однако площадь тянула к себе людей, и на окраинной улице на них почти не смотрели.

— Линия ещё видна? — спросила Мира.

Они остановились в арке между домами. Егор приоткрыл книгу. Среди строк светилось имя Арсена, от него тянулась тонкая синяя черта. Она упиралась в верхний правый край.

— Правее.

— Там военный лазарет старого вала.

— Почему вы не сказали о нём сразу?

— Потому что он закрыт десять лет.

— Очень удобное место для двери, которой нет.

Мира забрала книгу и снова затянула ремень.

— Это был пересыльный лазарет во время Западного мя-

тежа. Раненых держали до отправки в столицу. После победы здание отдали складам.

— Кто заведует складами?

— Управление коронных дверей.

Имя Кайрена она не произнесла. Не требовалось.

Улица закончилась глухой стеной. За ней поднималась круглая башня без флага. Ворота были заколочены досками, на ржавой табличке виднелась перечёркнутая ладонь — знак закрытого лечебного дома. Следы на снегу, однако, вели не к воротам, а к соседней угольной лавке.

Мира обошла здание. У задней стены стояла телега с чистой соломой. Колёса были мокрыми, лошадь тяжело дышала после дороги. На борту не было герба.

— Закрытый склад покупает свежую подстилку, — заметил Егор.

— Или угольщик держит лошадь.

— Тогда почему солома пахнет уксусом?

Мира потрогала край телеги. На рукавице осталось тёмное пятно.

— Кровь.

Изнутри донёсся стон, оборвавшийся сразу, словно человеку зажали рот.

Мира вынула короткий нож и перерезала верёвку на боковой двери. За ней оказался узкий проход между мешками угля. У дальней стены горела лампа. Возле неё сидел мальчишка в большом фартуке.

Он увидел их и вскочил.

— Лавка закрыта.

— Нам нужен хозяин, — сказала Мира.

— Ушёл на смотр.

— Тогда кто стонет за стеной?

Мальчишка побледнел и метнулся к колокольчику. Мира перехватила его руку.

— Закричишь — первым сюда придёт тот, кто оставил тебя сторожить. Подумай, станет ли он благодарить свидетеля.

— Я ничего не видел.

— Где вход?

Он посмотрел на мешки. За тремя рядами обнаружилась деревянная дверь, обитая войлоком. Мира отодвинула засов. В лицо пахнуло знакомой смесью дыма, крови и кислой ткани.

Лазарет не был закрыт. Он был спрятан.

В длинной комнате стояли двенадцать коек. На дальней лежали трое солдат. Возле одного работали двое лекарей в серых передниках. В центре помещения под простынями возвышались две каменные арки — выше человеческого роста, с медными петлями по внутреннему краю.

— Судебная проверка, — сказала Мира и показала знак.

Старший лекарь выпрямился.

— Здесь военный объект. Без письменного допуска нельзя.

— Допуск потребуется вам, когда будете объяснять тай-

ную работу закрытого лазарета.

— Мы исполняем приказ управления дверей.

— Тогда назовите себя.

Он помедлил.

— Мастер Олден Край.

— Кто приказал открыть парную створку судебной книги?

— Не понимаю вопроса.

Под простыней вспыхнул синий свет. На ближней койке солдат выгнулся и закричал. Его голень лежала между двумя деревянными планками. Кожа была рассечена, из-под повязки текла кровь.

Олден бросился к арке.

— Начали раньше! Лесса, готовь приём!

Егор шагнул к солдату.

— Что с ним?

— Назад! — крикнул Олден. — Перенос уже идёт.

Рана на ноге солдата затягивалась на глазах. Кровь перестала течь. Края кожи сближались, словно их тянули невидимой нитью. Солдат задышал легче и откинул голову на подушку.

Из-за деревянной перегородки раздался женский крик.

Егор повернул туда.

— Кто за стеной?

— Приёмник, — ответила молодая лекарка Лесса. — Не мешайте.

— Имя.

— В ведомости есть.

Егор рванул дверь перегородки. Цепь на руках зацепилась за ручку, Мира помогла. В маленькой комнате на полу лежала женщина в сером платье служанки. На её голени раскрылась такая же рана, какая исчезла у солдата. Рядом стоял таз, бинты и ведро воды. Никого, кто собирался остановить кровь, не было.

Егор опустился на колени. Бок прострелило болью, перед глазами поплыли чёрные точки.

— Чистую ткань. Быстро.

Служанка пыталась отползти от него.

— Не трогайте. Мне велели лежать.

— Тебе велели истечь кровью?

— После переноса лекарь придёт.

Кровь уже пропитала подол. Егор прижал сложенную ткань к ране.

— Как тебя зовут?

— Неля.

— Полное имя.

Она сжала губы.

Олден появился в дверях.

— Уберите осуждённого. Он сорвёт закрепление.

— У неё сильное кровотечение, — сказал Егор.

— Перенос ещё не окончен. Если вмешаться, повреждение вернётся солдату.

— Тогда лечите обоих.

— Сначала спасаем бойца.

— Вы уже спасли. Теперь спасайте женщину.

Олден посмотрел на Миру.

— Госпожа следовательно, этот человек осуждён за убийство солдат. Вы позволите ему повторить преступление?

Мира стояла между комнатами. На одной койке боец впервые за долгое время спокойно дышал. На полу служанка белела от потери крови. Выбор был устроен так, чтобы любой приказ выглядел убийством одного ради другого.

— Лесса, помогайте Егору, — сказала Мира. — Олден остаётся у бойца. Перенос не продолжать сверх уже начатого.

— У вас нет полномочий менять лечебное назначение.

— Зато есть полномочия задержать вас за подмену судебной книги.

Лесса принесла бинты. Егор не убирал первую ткань, положил сверху ещё одну и туго обмотал голень. Пульс на стопе прощупывался. Неля дрожала всем телом.

— Холодно, — прошептала она.

— Накройте её. Ноги чуть выше. Дайте пить только понемногу, если она в сознании и не тошнит.

Лесса подчинилась, всё время поглядывая на арку.

— Где её имя? — спросила Мира.

Олден указал на дальнюю створку. На камне светились три строки. Первые две были вырезаны глубоко, третья казалась размытой.

— Какая из них Неля?

— Долговой номер семьсот двенадцать.

— Я спросила имя.

— У приёмников ведутся номера. Так исключают совпадения.

Неля открыла глаза.

— У меня нет номера.

Олден резко повернулся к ней.

— Молчи.

— Полное имя, — повторил Егор.

— Неля Ворс. Я служу у госпожи Тарны. Меня послали принести бельё. Сказали, надо постоять у двери, иначе хозяйке начислят долг.

Мира подошла к створке.

— Здесь нет имени Нели Ворс.

Лесса уронила кувшин. Вода растеклась по полу.

— Я читала ведомость, — сказала она. — Приёмник семьсот двенадцать, мужчина сорока лет. Старый перелом, перенос допустим.

— Мужчина не пришёл, — произнёс Олден. — Военная рана уже была назначена. Мы взяли подходящего человека.

— Подходящего? — Егор показал на служанку. — Вы даже имени не спросили.

— Для створки важна живая кровь. Номер удерживает место, кровь закрепляет замену.

— Кто дал её кровь?

Неля прижала ладонь к груди.

— Палец укололи. Сказали, проверка на лихорадку.

Мира сдёрнула простыню со второй арки. На её основании лежала маленькая каменная пластина с короной. К ней проволокой была прикреплена свинцовая печать — точная копия той, которую Варн разрезал в лазарете Равы.

— Вот парная створка судебной книги, — сказала она.

Олден отступил.

— Я её не открывал.

— Она открыта сейчас.

— Приказ пришёл запечатанным.

— От кого?

— Управление коронных дверей.

— Подпись.

— Кайрен Восс.

Имя прозвучало тихо. Даже раненый солдат на койке перестал стонать.

Егор посмотрел на три строки. Неля лежала рядом, её кровь ещё медленно проступала через повязку.

— Почему рана пришла ей, если её имени нет?

Лесса ответила раньше мастера:

— Потому что она коснулась камня кровью. Строка удерживает место для любого подходящего тела. Так делают, если назначенный приёмник не явился.

— Часто?

— Я не знаю.

— Ты работаешь здесь и не знаешь?

— Нам не называют людей. Только номера.

Егор вспомнил пластиковые браслеты в больнице, номера полисов, безликие строки на экране. Там номер помогал не перепутать пациента. Здесь он помогал не увидеть его.

У дальней койки застонал второй солдат. Олден повернулся к нему.

— Следующая рана. Если закрыть створку, он потеряет ногу.

— Что с ногой? — спросил Егор.

— Раздроблена тележным колесом.

Егор подошёл. Нога была стянута шиной, ступня холодная и бледная. Повреждение выглядело тяжёлым. Он не мог восстановить сосуды или кости. Не мог даже сказать, можно ли сохранить конечность.

— Где человек, который должен принять эту рану?

Олден молчал.

— Ещё одна служанка за другой стеной?

— Назначенный приёмник в долговом дворе.

— Он согласился?

— Его долг подтверждён судом.

— Это не ответ.

Солдат открыл глаза.

— Закройте дверь, — сказал он.

Олден наклонился.

— Сотник, вам нельзя двигаться.

— Я слышал. Закройте проклятую дверь.

— Вы потеряете ногу.

— А тот человек?

Олден не ответил.

Сотник посмотрел на Егора.

— Он потеряет свою?

— Получит вашу рану, — сказал Егор. — Насколько точно, я не знаю.

— Закрывать.

— Вы не понимаете последствий, — начал Олден.

— Впервые понимаю.

Мира встала у створки.

— Как остановить перенос?

Лесса указала на медную планку между арками.

— Снять именную пластину и погасить обе чаши одновременно.

— Вторая чаша где?

— На парной стороне.

— Значит, отсюда не закрыть?

— Можно разбить общий след, но тогда все незавершённые повреждения выберут ближайшие имена.

Егор посмотрел на судебную книгу. В ней оставались девятнадцать имён караула и имя Арсена.

— Ближайшие имена уже приготовлены.

Вот зачем конвой внесли в книгу. Не только чтобы убрать Арсена по дороге. Они были запасным вместилищем для любой раны, если тайный лазарет придётся срочно закрыть.

— На площади сейчас девятнадцать моих людей, — сказала Мира.

— И Варн, — напомнил Егор.

Она вынула из сумки свисток и трижды подала сигнал. Где-то на улице ответили. Мира передала прибежавшему стражнику короткий приказ: догнать карету, никому не касаться судебной книги, вывести конвой подальше от коронных дверей.

— Это займёт время, — сказала она.

Сотник с раздробленной ногой закричал. На створке вспыхнула вторая строка.

— Перенос начался сам, — сказала Лесса. — На другой стороне открыли чашу.

Олден схватился за медную планку.

— Если не закрепить, рана рассеется по ближайшим.

— Не трогайте! — крикнул Егор.

Но мастер уже повернул планку. Камень загудел. Боль в правом боку Егора усилилась, затем ниже колена будто ударили молотом. Он упал, успев выставить руки.

Мира тоже пошатнулась и схватилась за плечо. Лесса вскрикнула: на её щеке появилась длинная ссадина. Рана не выбрала одного приёмника. Она искала все имена, связанные с открытой книгой.

Неля за перегородкой закричала снова.

— Закрепляйте на мне! — сказал Олден. — Я знаю знак.

— Вы можете умереть, — ответила Лесса.

— А иначе получают все.

Егор заставил себя подняться на колени. Олден совершил преступление, но сейчас первым предложил собственное тело. Это не отменяло сделанного. И всё же выбор был настоящим именно потому, что принадлежал ему.

— Сколько раны уже перешло? — спросил Егор.

— Меньше четверти.

— Можно закрыть чашу на стороне солдата и оставить ему остальное?

— Можно. Но его нога...

— Он уже выбрал.

Сотник, бледный от боли, кивнул.

Лесса и Олден опустили две медные скобы одновременно. Мира прижала створную книгу к полу. Егор держал планку на арке, хотя каждый толчок камня отдавался в ушибленном боку. Синий свет метался между строками, искал кровь, которой разрешат стать платой.

— Сейчас! — крикнула Лесса.

Олден выдернул именную пластину. Егор повернул планку. Мира захлопнула книгу.

Свет погас.

В наступившей тишине слышалось тяжёлое дыхание трёх раненых. Нога сотника осталась раздробленной. На голени Егора наливался синяк, но кость, похоже, выдержала. Неля была жива. Никто не получил всю чужую рану.

— Теперь что? — спросил сотник.

Егор посмотрел на Олдена.

— Теперь вы лечите то, что осталось. По-настоящему. Останавливаете кровь, закрепляете ногу, следите за дыханием. Если здесь есть хирург — зовёте его.

— Он не спасёт конечность.

— Возможно. Но это не даёт права отдать её другому человеку.

Мира подняла с пола судебную книгу. На камне проступила новая царапина, похожая на половину арки.

— Олден Край, вы задержаны за незаконное использование закрытого лазарета, подмену приёмника и вмешательство в судебную створку.

— Если арестуете меня сейчас, солдат останется без мастера.

— Поэтому будете работать под охраной до прибытия Ра-вы. Потом дадите показания.

Она сорвала с основания арки свинцовую печать Кайрена и завернула в платок.

— А я? — спросил Егор.

С площади донёсся третий удар колокола.

Мира посмотрела на него, на Нелю за перегородкой и на сотника, который добровольно оставил себе раздробленную ногу.

— Ты всё ещё осуждённый.

— Колокол уже бьёт.

— Значит, твоя казнь опаздывает.

— Суд простит такую небрежность?

— Суд — нет. Но теперь у меня есть печать Кайрена, скрытая створка и живой свидетель без имени в ведомости.

Неля слабо подняла руку.

— У меня есть имя.

Мира подошла к ней и опустилась рядом.

— Теперь есть и в деле. Неля Ворс.

Впервые с момента пробуждения Егор увидел, как имя возвращают человеку не для того, чтобы назначить ему чужую боль.

Глава 5. Тело как список

Рава приехала до того, как на площади успели пробить четвёртый удар.

Она вошла в тайный лазарет вместе с Варном и двумя носильщиками, на ходу сбрасывая мокрый плащ. Варн увидел Егора у стены, Нелю на узкой койке и Олдена под охраной, но вопросов не задал. Лишь пересчитал своих людей, убедился, что все вернулись с площади, и поставил стражника возле закрытых створок.

— Кого сначала? — спросила Рава.

Егор показал на Нелю.

— Кровотечение остановили, пульс на стопе есть. Она в сознании, но потеряла много крови.

— Потом?

— Сотник с раздробленной голенью. Часть повреждения ушла в сеть и вернулась не полностью. Ступня холоднее другой. Я не знаю, что у него с сосудом.

— Верно. Не знаешь — так и говори.

Рава отдала распоряжения Лессе, опустилась возле Нели и стала разматывать верхний слой повязки. Она не торопилась и не делала лишних движений. Егор впервые с пробуждения увидел человека, которому мог передать раненого без страха, что тот потянется к каменной двери вместо бинта.

Когда Рава закончила осмотр, она велела перенести Нелю

в свой лазарет, а сотника оставить Олдену и прибывшему костоправу. Сама она подошла к Егору.

— Теперь ты.

— У меня синяк на голени и ушиб справа. Остальное старое.

— Старое для кого?

Он не ответил.

Рава поставила лампу на табурет и указала на ширму. Мира собирала со стола бумаги и слышала.

— Осмотрите его здесь, — сказала она. — Мне нужны все следы, которые могут относиться к делу.

— Для дела вам нужны мои слова, а не голый человек перед караулом, — отрезала Рава.

Мира посмотрела на Варна.

— Вывести всех, кроме лекаря. Олден остаётся у сотника под охраной за перегородкой.

— Я тоже выйду, — сказала Лесса.

— Нет. Вы будете записывать.

Девушка замерла с тазом в руках.

— Я не судебный писец.

— Вы умеете различать знаки переносов. Сегодня этого достаточно.

За ширмой остались четверо. Мира положила на стол судебную книгу, печать Кайрена и пустой лист. Рава подала Егору ножницы.

— Рубаху не снимешь, пока руки скованы. Режем.

— Вторая за день, — сказал он.

— Значит, казначейство переживёт потерю осуждённого с меньшим достоинством, чем планировало.

Ножницы прошли от ворота к подолу. Холод коснулся кожи. Егор знал, что увидит шрамы, но при ярком свете их оказалось больше, чем в дорожной телеге. Одни лежали ровно, белыми полосами. Другие собирались в узлы, будто кожу стягивали грубой нитью. Круглый рубец на груди казался старым ожогом. Под рёбрами шёл след, похожий на разрез после операции, хотя вокруг не было отметин от швов. На левом плече темнели три маленькие ямки, расположенные правильным треугольником.

Рава не прикоснулась к нему сразу.

— Ты помнишь, откуда они у Арсена?

— Нет.

— А свои шрамы помнишь?

Егор провёл пальцем по правой ладони.

— На моей руке был порез от стеклянной ампулы. На подбородке — после велосипеда. Здесь их нет.

Лесса подняла голову от листа. Мира продолжала смотреть без удивления, словно откладывала каждое признание до времени, когда сможет проверить.

— Начнём с новых, — сказала Рава. — Правая голень.

Синяк расползлся ниже колена широкой багровой полосой. В его середине проступала тонкая синяя дуга. Лесса подошла ближе.

— Это не след от удара.

— Я знаю, что меня никто не бил, — сказал Егор.

— Я про дугу. Она повторяет внутренний край створки.

После рассеянного переноса такие линии остаются на ближайших именах.

Мира открыла судебную книгу. Новая царапина на камне имела тот же изгиб.

— Значит, тело и книга получили одну отметку?

— От одного незавершённого назначения, — ответила Лесса.

Рава повернула лампу к груди Егора.

— А это?

Лесса наклонилась к круглому рубцу и вдруг отступила.

— Старый венец.

— Что за венец? — спросил Егор.

— Так отмечает створка, если имя использовали не один раз в одном назначении. Первый перенос оставляет дугу. Второй замыкает круг.

— На теле?

— Иногда. Обычно круг сходит за несколько месяцев.

Рава коснулась рубца двумя пальцами. Егор почувствовал тупую боль, уходящую в плечо.

— Этому несколько лет, — сказала она. — И он не сошёл.

— Потому что имя оставалось в книге, — тихо произнесла Лесса.

Мира перевернула пустой лист.

— Объясните без ваших мастерских слов.

Лесса сглотнула.

— Когда человека назначают принять рану, его имя вносят на створку. После переноса строку должны погасить, а камень очистить. Если имя оставляют, дверь узнаёт его снова. Чем чаще открывают пару, тем легче ране найти прежнего человека.

— Даже если его нет рядом?

— Если есть связанная книга или кровь — да.

Егор посмотрел на круг у себя на груди.

— Арсен был не лекарем возле двери. Он был одним из тех, на кого её открывали.

— Один рубец этого не доказывает, — сказала Мира.

— Тогда считайте дальше, — ответила Рава.

Она заставила Егора поднять руки. Под правой подмышкой обнаружился неровный след, который он раньше принимал за старую рваную рану. Лесса принесла из шкафа деревянную рамку с выжженными знаками. На ней были изображены полукруг, косая решётка, две соединённые черты и треугольник из точек.

— Учебная доска, — объяснила она. — По следу определяют, что пошло не так.

Она приложила рамку рядом с рубцом. Косая решётка совпала с тонкими белыми линиями на коже.

— Слишком быстрое рассеивание, — сказала Лесса. — Так бывает, когда одну глубокую рану делят на много тел.

— Какую рану?

— По отметке не узнать. Только способ переноса.

Рава осмотрела плечо с тремя ямками.

— А это совпадает с вашей доской.

Лесса кивнула не сразу.

— Три опоры. Одно имя ставили сразу в трёх парных створках.

— Зачем? — спросила Мира.

— Чтобы не ждать, пока рана пройдёт через одну дверь. Три лазарета могут отправить её одновременно.

Егор представил три койки, трёх раненых и одно тело на полу. В памяти возникла Неля, которой велели лежать и ждать лекаря. Потом — собственные короткие провалы боли в телеге, словно старые повреждения Арсена вспоминали дорогу домой.

— Человек такое выдержит?

— Если повреждения малы, — ответила Лесса. — Или если мастер закрывает створки по очереди.

— А если велики?

Девушка посмотрела на Олдена за перегородкой.

— Тогда в ведомости пишут, что приёмник исчерпан.

Слово прозвучало хуже, чем «умер».

Мира положила карандаш.

— Где хранят старые назначения?

— В управлении дверей.

— Здесь должны быть копии.

— Тайный лазарет не числится действующим.

— Значит, кому-то особенно важно было вести свои записи.

Она вышла из-за ширмы и приказала Варну обыскать помещение. Олден возразил, что судебный знак Миры не даёт права забирать лечебные ведомости. Мира показала ему печать Кайрена в платке.

— Если это частный лазарет, печать поддельная и я ищу сообщников. Если коронный, здесь обязаны быть книги. Выбирайте объяснение, мастер Край.

Олден замолчал.

Рава продолжала осмотр. На спине Егора нашёлся широкий гладкий участок, будто с него содрали верхний слой кожи. Возле позвоночника тянулись два коротких следа, одинаковых по длине. На левой икре осталась вмятина, какая бывает после тяжёлого отёка. Ни один рубец не рассказывал, кому принадлежала первоначальная рана. Все вместе говорили лишь одно: тело Арсена много раз использовали как место, куда можно убрать последствия чужой беды.

— Это могло быть добровольно? — спросил Егор.

Рава пожала плечами.

— Один раз — могло. Десять раз — тоже, если человек упрям и считает чужую жизнь дороже своей. Но здесь больше двадцати разных следов. Некоторые нанесены, когда предыдущие ещё не зажили.

— Откуда вы знаете?

Она показала на пересечение двух рубцов под ребром.

— Старый след обычно бледнеет. Этот разошёлся снова, когда поверх него пришла другая рана. Тело не успевало восстановиться.

Егор ощутил злость не на Кайрена, которого ещё не видел, и даже не на людей, открывавших створки. Он злился на Арсена. На мёртвого или исчезнувшего человека, который, возможно, соглашался снова и снова, пока его согласие не стало удобной привычкой для всех остальных.

— Зачем ты это делал? — спросил он у чужой кожи.

— Может, за тем же, зачем сегодня полез к Неле, — сказала Рава.

— Я остановил кровь.

— А потом держал планку, зная, что рана ищет твоё имя.

— Там были люди.

— У Арсена, думаю, каждый раз тоже были люди.

Егор отвернулся. Ответ не оправдывал систему, но объяснял ловушку. Чтобы сделать человека постоянным приёмником, не всегда требовалось тащить его силой. Достаточно было однажды привести к двери того, кого он не мог бросить. Потом второго. Потом назвать отказ убийством.

Варн постучал по деревянной панели у дальней стены.

— Пусто звучит.

Один из стражников отодвинул шкаф. За ним обнаружилась низкая дверца без замка. Олден рванулся с места, но охранник вернул его на стул. Из тайника достали четыре

свёрнутых ведомости, счётную книгу и жестяную коробку с каменными пластинами.

Мира разложила находку на столе.

— Лесса, читайте.

— Я не имею права.

— Сегодня вы помогли подменить человека номером.

Право вас не спасёт. Поможет только правда.

Лесса вытерла ладони о передник и раскрыла первую ведомость. В ней были даты, номера створок и короткие обозначения повреждений. Вместо имён получателей стояли воинские звания. Вместо имён приёмников — долговые номера.

— Ищите знак венца, — сказал Егор.

Девушка провела пальцем по столбцам.

— Здесь. Постоянное имя, круг тринадцать.

— Чьё?

— Имя вынесено в основную книгу.

— А она где?

Лесса посмотрела на Олдена.

Тот сжал губы.

Мира открыла жестяную коробку. Внутри лежали тонкие пластины, каждая размером с два пальца. На одной было вырезано «Круг 13». Обратная сторона почернела от крови.

— Приложите к книге, — сказал Олден.

Все повернулись к нему.

— Что?

— Вы всё равно попробуете. Лучше сделайте правильно. Не к арке. К закрытой судебной книге. Если пластина принадлежит прежнему имени, строка проявится, но дверь не откроется.

— Почему вы помогаете? — спросила Мира.

— Потому что сотник оставил себе ногу. Я двадцать лет учил людей, что такой выбор невозможен.

— А служанку взяли вместо мужчины, потому что иначе было невозможно?

Олден опустил глаза.

— Нет.

Мира подцепила пластину щипцами и положила на обложку книги. Камень под ней потеплел. По тёмной поверхности медленно выступили буквы.

Арсен Вель.

Ниже появилась дата восьмилетней давности и слово «доброволец». Потом вторая дата. Третья. На пятой слово исчезло. Вместо него стояло «приписан». После девятой даты остался только номер.

Круг 13.

— Сначала он соглашался, — сказал Егор.

— Четыре раза, — уточнила Мира. — На пятый его уже назначили.

— Как человека превращают в номер, если он придворный лекарь?

Мира взяла счётную книгу. На первой странице был от-

тиснут герб казначейства. Она прочла несколько строк и нахмурилась.

— Через долг.

— Какой долг?

— Здесь записана стоимость лечения, питания и восстановления после каждого переноса. Первые четыре оплачены из военного фонда. Пятый признан неслужебным: Арсен принял повреждение мальчика, которого не было в утверждённом списке. Казначейство выставило ему счёт за использование коронной двери.

— Он спас ребёнка и стал должен за это?

— Не только за дверь. За собственное лечение после неё. Он не смог выплатить сумму, его труд и тело передали управлению до погашения.

Рава выругалась вполголоса.

Мира листала дальше.

— Каждый новый перенос уменьшал долг за службу и одновременно увеличивал его за восстановление. Лекарства, жильё в лечебном доме, пища, надзор. Он никогда не мог выйти в ноль.

Егор вспомнил фразу из приговора: тело осуждённого принадлежит двору до исполнения казни. Тогда она показалась ему обычной жестокостью местного права. Теперь стало ясно, что казнь ничего не начинала. Она завершала давнее владение.

— Поэтому меня требовали доставить живым и способ-

ным открыть переход, — сказал он. — Даже перед смертью тело должно было отработать.

— Показательный перенос на площади, — ответила Мира. — Суд объявил бы, что Арсен в последний раз исправляет свой отказ и спасает раненого воина.

— А чью рану он должен был принять?

Мира нашла вложенный лист. На нём стояла сегодняшняя дата и пустая строка возле слов «первый клинок смотра».

— Имя воина вписывали бы после показательного боя.

— Значит, аварии с каретой было мало. Если бы я доехал, мне приготовили ещё одну рану.

— Не одну, — сказала Лесса.

Она раскрыла вторую ведомость. Внизу страницы стояли номера от одного до девятнадцати — по числу конвоиров. Двадцатым был круг тринадцать.

— После показательного переноса планировалось общее гашение. Все остаточные повреждения со смотра ушли бы в ближайшие имена, а затем судебную книгу разбили бы вместе с осуждённым.

Варн подошёл к столу.

— Нас внесли как запас.

— Да, — ответила Лесса.

— Орек получил то, что предназначалось одному из бойцов?

— Скорее всего, ранение с предварительной тренировки. Вторая сторона открыла чашу раньше.

Варн долго смотрел на список. Потом снял со стола свой нож и положил перед Олденом.

— Этим я разрезал судебную печать ради Орека. Думал, нарушаю закон, чтобы спасти товарища. А закон уже назначил нас мясом для двери.

— Я не составлял список караула, — сказал Олден.

— Но служанку к камню подвёл ты.

— Да.

Мира забрала нож прежде, чем Варн успел решить, зачем положил его на стол.

— Мне нужны свидетели, а не ещё один труп.

Она вернулась к счётной книге. На последних страницах почерк менялся. Старые записи были ровными и подробными, новые состояли из номеров и сумм. Возле имени Арсена стояла пометка красными чернилами: «Отказ от окружного назначения. Пользование телом приостановить до приговора».

— Что такое окружное назначение? — спросил Егор.

Никто не ответил сразу.

Олден посмотрел на закрытые створки.

— Не один приёмник. Целая область второй стороны.

— Сколько людей?

— В списках не люди. Дома и лечебные дворы.

— Сколько?

— Я не видел полного назначения.

— Но Арсен видел, — сказала Мира. — И отказался его

открыть.

Она провела пальцем по красной строке.

— Приговор говорит о восьмидесяти семи бойцах, которых он не стал спасать. Здесь написано, что его тело вывели из пользования в тот же день. Значит, Арсен был не просто мастером, управлявшим створкой. Он сам служил ключом к сети.

Лесса покачала головой.

— Одно имя не откроет окружное назначение.

— Одно — нет. Но постоянное имя может связать несколько дверей, — сказал Егор. — Три опоры у меня на плече. Сколько таких знаков на теле?

Они пересчитали. Треугольников оказалось семь: три явных, четыре почти стёртых. Рава отмечала каждый угольком на схеме человеческого тела. Когда закончила, на листе возникло подобие карты. Плечо, грудь, бок, спина, обе ноги — рубцы располагались не случайно. Семь групп окружали круглый венец.

Мира первой увидела смысл.

— Семь коронных ворот.

Лесса побледнела.

— Их местоположение знает только управление.

— Зато Арсен носит их следы.

Егор посмотрел на своё отражение в тёмном окне. Чужое лицо, чужие плечи, чужие шрамы. До этой минуты он воспринимал тело как тюрьму, в которую его по ошибке запер-

ли. Теперь тюрьма оказалась ещё и картой.

— Если Кайрен узнает, что я жив, он придёт не только уничтожить свидетеля, — сказал Егор. — Ему нужен ключ.

— Он уже знает, что казнь сорвалась, — ответила Мира. — На площади было слишком много глаз.

Снаружи раздался свист Варнового часового. Один короткий, два длинных. Мира погасила вторую лампу и подошла к двери.

— Кто там?

Стражник ответил через щель:

— Судебная карета. Шесть человек. Требуют выдать осуждённого и книгу. У них приказ с коронной печатью.

— Чья подпись?

— Кайрена Восса.

Мира вернулась к столу и собрала ведомости.

— Варн, задний выход есть?

— Через угольную лавку.

— Выведите Нелю и раненых первыми. Рава, с ними. Лес-са несёт счётную книгу.

— А Олден? — спросил Варн.

— Под вашей охраной.

Егор попытался натянуть разрезанную рубаху. Рава бросила ему серый лекарский передник.

— Руки, — сказал он Мире.

Она не поняла.

— Снимите цепь. В узком проходе я не удержу носилки

скованными руками.

— Ты осуждённый, которого требуют выдать по законному приказу.

— И ключ к семи дверям, который Кайрен хочет получить целым.

Мира достала ключ. На мгновение задержала его возле замка.

— Если убежишь, я найду тебя.

— Если убегу один, Кайрен найдёт вас раньше.

Замок щёлкнул. Железо соскользнуло с запястий, оставив красные кольца.

Егор впервые свободно развёл руки. Это не сделало тело его собственным. На груди оставался венец, на плечах — знаки семи ворот, в книгах — номер вместо имени. Но теперь он знал, что искать.

Он поднял передний край носилок Нели. Варн взял задний. Они двинулись к угольной лавке, пока Мира у главной двери громко требовала, чтобы прибывшие назвали каждого человека и зачитали приказ полностью.

Неля открыла глаза.

— Куда вы меня несёте?

— Туда, где тебя будут лечить, — сказал Егор.

— А потом?

За стеной судебный пристав ударил рукоятью в дверь. Доски дрогнули. Где-то рядом зашевелились погашенные створки, словно узнали постоянное имя и ждали, когда им

снова велют взять своё.

— Потом ты дашь показания, если сама захочешь, — ответил Егор. — А мы найдём список, в котором моё тело записали раньше моей смерти.

Глава 6. Казнь отложена

Судебный пристав читал приказ медленно, с удовольствием человека, которому дали длинный текст и запертую дверь.

— Осуждённого Арсена Веля передать старшему служителю коронных ворот для восстановления прерванного исполнения. Створную книгу, печати и все относящиеся к делу записи возвратить в управление как имущество государева двора...

Мира стояла по другую сторону двери и считала шаги за стеной. Шесть человек назвал часовой. Один читал, двое держались у главного входа, остальные наверняка уже обходили здание.

— Назовите статью, по которой управление изымает судебные доказательства, — потребовала она.

— Они не доказательства. Они имущество.

— Тогда назовите статью, по которой имущество даёт показания об убийстве.

Пристав запнулся. Этого Мира и ждала. Не победы — нескольких лишних вдохов.

За спиной Варн провёл носилки Нели в узкий проход. Егор шёл впереди и раздвигал плечом мешки. Лесса несла счётную книгу под передником. Олден, окружённый двумя стражниками, помогал костоправу поддерживать носил-

ки сотника. Рава замыкала цепочку, прижимая к груди сумку с перевязочным полотном.

Мира подняла голос, чтобы слышали и снаружи, и свои.

— Я, военная следовательница Мира Даль, уведомляю вас: в помещении обнаружены признаки незаконного переноса повреждения, подмены назначенного лица и покушения на двадцать членов судебного караула. До регистрации места никто ничего не изымает.

— Ваше поручение окончено с третьим ударом казни.

— Казнь не состоялась.

— По вашей вине.

— По причине нового преступления.

В стену угольной лавки кто-то ударил. Мира услышала, как с полки посыпалась мелкая крошка. Обход нашли быстрее, чем она рассчитывала.

Варн вернулся один.

— Задний двор перекрыт, — прошептал он. — Двое у телеги. Носилки не провести.

— Крыша?

— Узкий люк над складом. Здоровый пролезет. С Нелей — нет.

Егор поставил передний край носилок на мешки.

— Тогда не убегаем.

Мира повернулась к нему.

— Очень полезное решение от человека, которого требуют выдать.

— Если уйдём по одному, раненых заберут. Если полезем с ними, кого-нибудь уроним. Нам нужно место, где приказ Кайрена встретится с другим приказом.

— Здесь только мой знак.

— На площади остался суд.

— И палач.

— Зато там сотни свидетелей. Кайрен пришёл сюда шестью людьми, потому что не хочет зачитывать свой приказ перед ними.

Мира посмотрела на Нелю. Та была в сознании, но губы оставались бескровными. Долгая дорога могла снова открыть рану. Остаться в закрытом лазарете было не безопаснее.

— Варн, откроете дверь по моей команде. Строй в два ряда. Раненые между вами. Никто не достаёт оружие первым.

— А если они достанут?

— Тогда запомните, кто именно.

Она сняла с внутренней перекладки засов.

Пристав умолк.

— Отойдите на десять шагов, — сказала Мира. — Я исполню требование о явке осуждённого. Передачу имущества проведём на площади при суде.

— Книгу вынесите первой.

— Осуждённый выйдет первым. Если вы пришли за ним, вам нечего возразить.

За дверью послышался короткий спор. Потом пристав

приказал отойти.

Мира открыла створку ровно настолько, чтобы выйти боком. Перед входом стоял худой мужчина в синем судебном кафтане. По обе стороны от него — четверо служителей коронных ворот с медными наручами поверх рукавов. Шестой держал поводья закрытой кареты. На её дверце была нарисована корона над двумя арками.

— Где цепи? — спросил пристав, увидев Егора.

— Сняты для переноски раненой.

— Осуждённый не имеет права касаться свободного человека.

Неля приподняла голову.

— Он остановил мне кровь.

Пристав посмотрел на неё так, словно заговорила мебель.

— Кто это?

— Неля Ворс, — отчётливо произнесла Мира. — Потерпевшая и свидетель.

— В приказе нет такого имени.

— Именно поэтому мы идём к судье.

Люди Кайрена расступились неохотно. Один потянулся к носилкам, но Варн поставил локоть между его рукой и Нелей.

— Не трогать.

— Она несёт на себе имущество ворот.

Егор остановился.

— Рану?

Служитель нахмурился.

— След переноса.

— Попробуйте отделить его, не разрезав ей ногу.

— Не разговаривайте со служителем, осуждённый.

— Тогда пусть служитель не называет женщину имуществом.

Пристав раскрыл приказ.

— Арсен Вель, вы обязаны молчать до исполнения приговора.

— Покажите, где это написано.

Мира едва не улыбнулась. Егор не знал местных статей, зато знал цену уверенного вопроса. Пристав быстро нашёл строку, но читать не стал.

Колонна двинулась вниз от старого вала. Впереди шли Мира и пристав, за ними Егор с Варном несли Нелю. Люди Кайрена держались по сторонам. Горожане останавливались возле лавок. Они узнавали осуждённого по серому переднику и красным кольцам от цепей, но вместо телеги к плахе видели его у носилок.

На середине улицы Неля тихо сказала:

— Повязка тёплая.

Егор велел остановиться. Под нижним слоем проступила кровь.

— Нужен прижим. Рава!

Пристав перегородил ей дорогу.

— Колонна не задерживается.

— Тогда понесёте мёртвого свидетеля к судье, — сказала Мира.

Егор опустил носилки на сухой порог, прижал повязку ладонью и попросил Нелю смотреть на него. Она отвечала медленно, но не путалась. Рава подтянула бинт и проверила стопу.

— Дальше только шагом. И без вашей тряской.

Один из служителей ворот указал на карету.

— Положим внутрь.

— Там створная клетка, — сказала Лесса.

Все посмотрели на неё. Девушка побледнела, поняв, что выдала знание.

— Для безопасной перевозки назначенных, — поправил служитель.

— В ней медные дуги под сиденьем, — продолжила Лесса. — Если у женщины свежий след, клетка закрепит его за книгой управления.

— Ложь.

— Откройте дверь и снимите ковёр.

Служитель не двинулся.

Мира повернулась к прохожим, которые уже собрались вокруг.

— Кто-нибудь желает убедиться, что коронная карета безопасна для раненой?

Кучер хлестнул лошадь прежде, чем нашёлся доброволец. Карета рванула вниз по улице. Один из людей Кайрена вы-

ругался и побежал следом, но догонять не стал.

— Теперь нас пятеро, — тихо сказал Варн.

— Нас гораздо больше, — ответила Мира, взглянув на свидетелей.

К площади подошли после четвёртого удара. Плаху ещё не разобрали. На помосте стоял судья Острен в чёрной меховой мантии, рядом скучал палач. Толпа поредела, но не разошлась: казнь, которая опаздывала, оказалась интереснее состоявшейся.

Острен увидел Миру и ударил жезлом по ограждению.

— Вы сорвали исполнение приговора.

— Я доставила осуждённого живым, как требовал приказ.

— После назначенного часа.

— Потому что обнаружила преступление, совершившееся в этот час с использованием судебной книги.

Пристав поднялся на помост.

— Управление коронных ворот требует немедленной передачи Веля и имущества.

— Я слышал, — раздражённо сказал Острен. — Половина улицы слышала.

Мира подала Варну знак. Караул окружил носилки не как заключённого, а как раненых. Рава осталась с Нелей. Лесса встала рядом и прижала книгу к животу. Олдена вывели вперёд.

— Назовите себя, — велел судья.

— Мастер лечебных дверей Олден Край.

— Вы задержаны?

— Да.

— За что?

Олден посмотрел на людей Кайрена. Старший служитель едва заметно покачал головой.

Егор подумал, что мастер сейчас откажется от признания. В лазарете он помогал, пока вокруг были только те, кто видел его поступок. На площади цена правды стала другой.

— За подмену приёмника, — сказал Олден. — И за работу незарегистрированной створки.

В толпе заговорили.

— По чьему приказу? — спросил Острен.

— Приказ пришёл из управления.

— Имя.

Олден сглотнул.

— На печати стояло имя Кайрена Восса.

Старший служитель шагнул вперёд.

— Задержанный пытается смягчить вину ложным обвинением.

Мира развернула платок и показала свинцовую печать.

— Тогда управлению легко будет доказать подделку. До проверки это вещественное свидетельство.

Пристав протянул руку.

— Передайте мне.

— Нет.

— Вы нарушаете прямой приказ.

— Приказ требует вернуть печать тому, чьё имя проверяется по делу. Это не возврат, а уничтожение доказательства.

Острен прищурился.

— Следовательница, вы хотите, чтобы я остановил исполнение вступившего в силу приговора на основании слов осуждённого и задержанного мастера?

— Нет. На основании живой потерпевшей, раны, которой у неё не было утром, книги с именами вашего караула и приказа, способного связать управление с незаконной створкой.

— Рана ничего не говорит.

— Тогда спросите Нелю Ворс.

Рава помогла Неле сесть. Судья явно не хотел спускаться с помоста, но заставлять раненую подняться по ступеням при всей площади не решился.

— Расскажите, как получили повреждение, — сказал он.

— Меня послали за бельём, — ответила Неля. — В лазарете укололи палец. Сказали, проверяют лихорадку. Потом велели лечь за стеной. Когда солдат перестал кричать, нога разорвалась у меня.

— Вы видели перенос?

— Я видела свою целую ногу до него.

— Вам называли долг?

— У меня нет долга.

— Хозяйка могла иметь.

— Тогда пусть её долг остаётся у неё, — сказала Неля. — Нога моя.

Толпа поддержала её не криком, а густым шумом. Острен ударил жезлом.

— Тишина.

Мира раскрыла судебную книгу на имени Орека.

— Первый незаконный перенос произошёл ещё до казни. Имя конвоира появилось после вашей вчерашней проверки. Затем в книгу внесли весь караул и Арсена. В тайном лазарете попытка закрыть створку нашла эти имена. Значит, книгу использовали не для суда, а как запасной список приёмников.

— Кто может подтвердить?

— Мастер Рава, лекарка Лесса, сотник, отказавшийся передать свою рану, девятнадцать конвоиров и я.

— Осуждённый?

— Тоже. Но дело не держится на его словах.

Острен посмотрел на солнце. По уставу исполнение после полудня требовало нового объявления. Егор не знал этого правила, но понял по лицу судьи: время стало работать на них.

Старший служитель ворот поднялся на первую ступень.

— Господин судья, двор готовит военный смотр. Кайрен Восс лично отвечает за безопасность лечебных дверей. Из-за ошибки подчинённого нельзя задерживать государево дело.

— Когда смотр? — спросила Мира.

— Это закрытая дата.

Из толпы ответил торговец в меховой шапке:

— Завтра начинают ставить трибуны у северного поля.

Кто-то добавил:

— Войска уже вошли через речные ворота.

Острен снова ударил жезлом.

— Я не допрашиваю площадь.

— Зато площадь видит, что управление торопится забрать свидетелей перед смотром, — сказала Мира.

— Осторожнее, следовательница.

— Я и осторожничаю. Поэтому прошу не отмены приговора, а отсрочки на семь дней для проверки нового преступления.

— Семь?

— За три дня мы не успеем получить книги управления. За четырнадцать осуждённого успеют объявить чудесно умершим в камере. Семь дней — срок полевой проверки при угрозе караулу.

Судья посмотрел на Варна.

— Вы считаете, угроза сохраняется?

— Моё имя всё ещё в книге, — ответил тот. — Пока не знаю, кто держит вторую створку, считаю угрозой любую дверь.

— Вы нарушили печать.

— Чтобы спасти Орека. За это отвечу. Но сначала хочу узнать, кто записал моих людей как запасные тела.

Острен спустился с помоста. Он не подошёл к Неле, а остановился возле судебной книги. Мира позволила осмот-

реть обложку, не выпуская её из рук.

— Семь дней, — повторил судья. — Арсен Вель остаётся осуждённым. Цепи вернуть. Содержать в судебном лечебном доме под двойной охраной. Книга, печать и ведомости опечатываются моим знаком и знаком следовательницы. Любое открытие створки — только в присутствии обоих.

— Людей Кайрена к охране не допускать, — сказала Мира.

— Вы не ставите условия суду.

— Тогда запишите моё возражение сейчас, чтобы после смерти свидетеля никто не сказал, что я промолчала.

Острен сжал жезл.

— Караул назначает Варн. Управление может прислать одного наблюдателя без медного ключа.

Старший служитель побагровел.

— Двор не признает такого ограничения.

— Пусть двор пришлёт письменное возражение. С моей печатью, а не с вашей памятью.

Судья повернулся к писцу.

— Записывайте: исполнение приговора отложено до полудня восьмого дня. Основание — проверка незаконного применения судебной створки и угроза членам караула. Мира Даль получает временное право изымать копии назначений, допрашивать служителей и требовать предъявления парных книг в пределах столицы.

Егор слышал облегчённый выдох Лессы. Сам он облег-

чения не почувствовал. Семь дней не были спасением. Просто у смерти появилась новая дата.

— Потерпевшую Нелю Ворс поместить в лазарет Равы под охрану, — продолжал Острен. — Мастера Олдена Края — в судебную камеру после завершения помощи раненому. Лекарку Лессу...

— Свидетелем, — быстро сказала девушка.

Старший служитель ворот повернулся к ней.

— Вы состоите на службе управления.

— Состояла утром.

— Увольнение не освобождает от клятвы.

— Я клялась лечить у створок. Не менять людей номера-ми.

Острен поморщился.

— Лессу поместить вместе с другими свидетелями. Без права покидать город.

Писец посыпал запись песком. Судья поставил печать. Когда воск затвердел, площадь заговорила разом. Одни ругали управление, другие жалели солдат, которым теперь придётся оставлять раны при себе. Несколько человек требовали всё-таки казнить Арсена. Правда ничего не исправила мгновенно. Она только сделала привычный порядок спорным.

Варн подошёл к Егору с цепью.

— Руки.

Егор протянул запястья. Варн застегнул браслеты свободнее прежнего.

— Семь дней, — сказал он.

— Шесть с половиной. Полдень уже прошёл.

— Ты всегда так утешаешь больных?

— Только тех, кто умеет считать.

Нелю понесли в лазарет. Люди расступались перед носилками и повторяли её имя. Не все правильно, но уже не номер.

Мира задержалась возле помоста, сверяя копию решения. Когда она подошла, Егор заметил, что левую руку она держит чуть ближе к телу.

— Плечо болит?

— Терпимо.

— Покажите Раве.

— После того как закрою доказательства.

— Это фраза каждого пациента перед тем, как становится хуже.

— А это фраза каждого лекаря, который забыл, что сам в цепях.

Они пошли за караулом. У северного края площади рабочее уже разгружали с телег длинные доски для трибун. За крышами показались три военных знамени. В город входили полки.

— Смотр не просто парад, — сказала Мира. — Перед походом государь проверяет оружие, коней и лечебные двери. Если войска уже здесь, через семь дней они могут выступить.

— Совпадение с моей новой казнью?

— Кайрен не любит совпадений.

— Значит, у нас семь дней не только до плахи.

Мира сложила судебное решение и убрала за пазуху.

— До открытия военных створок тоже.

На северном поле ударил барабан. Ему ответил второй, затем третий. Ритм прокатился над городом, и люди на площади невольно повернули головы.

Егор почувствовал, как старый круглый рубец на груди нагрелся под передником.

Где-то одна за другой просыпались двери, к которым тело Арсена уже знало дорогу.

Глава 7. Приёмники

Цепь с Егора сняли только с одного запястья.

Варн продел свободный конец в железное кольцо внутри закрытой повозки и запер замок. Теперь Егор мог сидеть, мог дотянуться до стоявшего между колен ящика Равы, но выйти без караула не мог. Для осуждённого это считалось послаблением. Для лекаря — способом работать в дороге.

Мира устроилась напротив. За ночь она успела сменить залитый грязью плащ, но не успела поспать: под глазами легли тени, движения стали резче. Левое плечо Рава всё-таки осмотрела. Кость была цела, зато на коже проступило багровое пятно, похожее не на ушиб, а на след пальцев великана.

— Не поднимать руку выше груди, — напомнил Егор.

— Вы уже говорили.

— Вы уже забыли.

Мира положила на ящик узкую дощечку, покрытую воском. С неё начиналась первая изъятая ведомость: девять строк, семь имён, два номера вместо имён и красный знак в виде рассечённого круга.

— Долговой двор Сухого колодца, — сказала она. — Южная окраина. Вчера туда отправили распоряжение принять три приступа грудной тесноты, одну горячку и последствия перелома. Получатель помощи не назван. Только дворцовый знак.

— Последствия перелома — это что именно?

— В ведомости написано: боль, отёк и слабость стопы.

— Удобная формулировка. Если нога почернеет, можно сказать, что такого не заказывали.

— Поэтому вы едете с нами.

— А если приступ грудной тесноты окажется сердцем? Я его на глаз не вылечу.

— Поэтому с нами едет Рава.

Снаружи мастерица постучала по стенке рукоятью кнута.

— Я всё слышу. И я не воскрешаю мёртвых, если дворец пришлёт их нам заранее.

Повозка качнулась на выбоине. Егор придержал ящик свободной рукой. Под рёбрами отозвался вчерашний ушиб, в правой голени тянуло. Тело Арсена напоминало книгу, которую писали на коже и мышцах, не спрашивая владельца.

Они выехали ещё до рассвета. Судья Острен не хотел выпускать осуждённого из лечебного дома, но первая же присланная управлением копия оказалась пустой: чистый лист с печатью и уверением, что назначений на этот день нет. Тогда Мира предъявила дощечку Олдена, найденную в тайном лазарете. Острен разрешил один выезд под охраной Варна и велел вернуться до второго полуденного удара.

Лесса осталась с Нелей. Олдена заперли в комнате без дверных камней, приставив двух солдат. Перед отъездом он успел объяснить, как найти двор: идти за запахом варёной коры, пока не увидят колодец, засыпанный щебнем.

Запах они почувствовали раньше, чем повозка остановилась.

Горький дым просачивался сквозь ставни и щели. Им пропитались заборы, бельё на верёвках, серый снег под ногами. На тесной улице стояли одинаковые двухэтажные дома из тёмного кирпича. Над каждой дверью висела деревянная дощечка с числом. Ни вывесок, ни имён.

Сухой колодец оказался посреди перекрёстка. Его горловину закрывали доски и камни, а сверху поставили железную чашу. В ней тлели полосы коры.

— От запаха тошнит, зато после горячки меньше кашляют, — сказал Варн.

— После какой горячки? — спросил Егор.

— После любой, если спросить сборщика долгов.

Из домов никто не вышел встречать судебную повозку. Только ставни закрылись одна за другой.

Мира показала решение Острена двум городским стражникам у въезда. Те прочли печать, переглянулись и отступили, но сопровождать отказались.

— У нас приказ не входить во время приёма, — объяснил старший.

— Чьего приёма?

— Назначений.

— Приказ покажите.

— Устный.

— Тогда устно сообщаю: следствие войдёт.

Варн отпер цепь от кольца, но не снял браслеты с Егора. К свободному концу он пристегнул короткий ремень и взял его в левую руку. Правую держал возле меча.

— Не дёргайся, — сказал он.

— Я похож на человека, который хочет убежать туда?

За ближайшей стеной кто-то вскрикнул. Крик оборвался сразу, словно человеку зажали рот.

Егор первым шагнул к двери с номером семнадцать.

На стук никто не ответил. Мира постучала рукоятью ножа и назвала себя. Внутри задвинули тяжёлую щеколду. Дверь приоткрыла девочка лет двенадцати в слишком большом мужском жилете.

— Старшие где? — спросила Мира.

— На работе.

— Кто кричал?

— Никто.

Из глубины дома донёсся протяжный стон.

Девочка попыталась закрыть дверь. Егор поставил носок в щель.

— Мы не пришли взыскивать долг. У вас кто-то заболел?

— У нас все здоровы.

— Поэтому стонут?

Она посмотрела на его серый передник, на цепь, на повязку у виска.

— Вы новый приёмник?

— Нет. Меня тоже вписали без спроса.

Девочка ещё несколько секунд решала, можно ли верить человеку в цепях. Потом отступила.

Комната за дверью была длинной и низкой. Вдоль стен стояли лежанки, разделённые занавесями. На каждой — кувшин, таз и деревянная палочка с насечками. Пахло потом, мочой, дымом коры и чем-то сладким, нездоровым. За столом женщина лет сорока растирала в ступке сухие листья. Два пальца на её правой руке не сгибались.

— Я сказала не открывать, Тая.

— Судебная следовательница Мира Даль, — представилась Мира. — Проверяю назначения коронных ворот.

Женщина высыпала растолчённые листья в миску.

— Проверили. Уходите.

— Здесь кричал человек.

— Здесь люди иногда кричат.

За дальней занавесью снова застонали. Егор пошёл туда. Женщина преградила дорогу.

— Осуждённым нельзя касаться свободных.

— Я слышал. Как зовут больного?

— Вам зачем?

— Чтобы не назвать его номером.

Женщина взглянула на Миру.

— Если покажу, долг спишете?

— Я не могу этого обещать.

— Тогда обещайте хотя бы, что не добавите за лечение.

Мира медленно опустила руку с решением суда.

— Кто добавляет?

— Управитель двора. За воду, лекаря, пропущенную работу, испачканное бельё. За погребение тоже, если родня не заберёт тело до вечера.

— Я записываю эти слова как показание.

— А я не давала показаний.

— Как вас зовут?

— Сегодня — семнадцатая старшая.

Женщина всё же отступила. На лежанке за занавесью лежал мужчина с серым лицом. Его рубаха была распахнута, грудь вздрагивала часто и мелко. Он прижимал кулак к середине груди. Возле шеи и на лбу блестел пот.

Егор присел рядом.

— Меня зовут Егор. Как вас зовут?

— Савел.

— Где болит?

Мужчина провёл кулаком от груди к левому плечу.

— Зубы... тоже. Будто ломом.

— Когда началось?

— С колоколом. Дверь вспыхнула.

Егор коснулся пальцами его запястья. Пульс был неровным и слишком быстрым. Кожа холодная. Перед глазами на миг встала земная кухня, где мужчина такого же возраста уверял бригаду, что просто переел. Через двадцать минут сердце остановилось в машине.

— Рава, сюда. Варн, откройте ставни. Тая, принесите чи-

стую воду, но пить пока не давайте.

— Это первый приступ, — сказала старшая. — Два ещё должны принять другие дома.

— Он не принимает тесноту. Он может умирать.

— Так и записано: теснота.

— Ведомость врёт.

Рава опустилаcь возле Савела, послушала дыхание через короткую костяную трубку, потрогала шею и выругалась.

— Створкой обратно не отправим. Парной двери здесь нет.

— И не будем. Покой, тепло, не тащить его по лестнице. Что у вас есть от сильной боли?

Рава назвала настой. Старшая покачала головой.

— Был. Управитель забрал вчера.

— Зачем?

— Дворцовая аптека платит за него серебром. Нам оставили кору.

Егор попросил Савела дышать медленнее, не вставать и отвечать на вопросы. Боль не уходила. Они не могли ни снять плёнку сердца, ни увидеть сосуд, ни дать то, что дали бы в земной машине. Всё, что оставалось, — не ухудшить состояние и не притворяться, будто перенос стал лечением.

На первом этаже хлопнула дверь. Потом загремел металл. Тая вернулась без воды.

— Они принесли дугу.

Старшая побледнела.

— Второй приступ.

В общей комнате двое мужчин в коричневых накидках ставили на пол медную полуарку. Между её ножками висела плоская чёрная доска. Третий держал книгу и не снимал меховых перчаток.

— Посторонним покинуть дом, — сказал он. — Идёт законное исполнение долгового назначения.

Мира развернула решение Острена.

— Исполнение приостановлено на время проверки.

— Здесь не судебная створка.

— Ведомость получена из управления коронных ворот и относится к расследуемому делу.

Человек с книгой пробежал глазами печати.

— Решение касается книги караула и тайного лазарета. Сухой колодец не упомянут.

— Теперь упомянут. Назовите себя.

— Сборщик назначений Брет Ильн. Отойдите от дуги.

— Кому вы переносите приступ?

— Это закрытое имя.

— Тогда не откроете дверь.

Брет кивнул помощникам. Те взяли за дугу. Варн отпустил ремень Егора и вынул меч на ладонь из ножен.

— Поставьте.

— Сотник, вы мешаете исполнению государственного долга.

— Я вчера тоже оказался государственным долгом. Не по-

нравилось.

На чёрной доске загорелась первая строка. Старшая семнадцатого дома схватила Таю за плечи и отвела к стене. Остальные занавеси зашевелились: люди просыпались, вставали, молча выходили в общую комнату. Егор насчитал одиннадцать взрослых и четверых детей. У одного мужчины не двигалась левая рука. Женщина у печи дышала со свистом. У старика под штаниной белела деревянная шина, хотя нога ниже колена была давно кривой и тонкой.

— Кто назначен? — спросил Егор.

Никто не ответил.

Брет открыл книгу.

— Двор семнадцать. Второй взрослый круг.

Люди опустили глаза. Егор понял: имя не требовалось. Дверь сама выберет из тех, кого поставили в один круг.

— Как определяет второго? — спросил он.

— По порядку регистрации.

— Покажите регистрацию.

— Осуждённый не вправе требовать документы.

— Требую я, — сказала Мира.

Брет захлопнул книгу.

— Вы задерживаете лечение лица, важного для империи.

Сверху вскрикнул Савел. Рава позвала Егора.

Он метнулся к лестнице, но старшая ухватила его за цепь.

— Если остановите дугу, долг запишут всем. Потом придут ночью.

— Кто второй взрослый?

Женщина посмотрела на мужчину с неподвижной рукой.

— Лем.

Тот сделал шаг вперёд сам.

— Пусть. У меня левая уже не работает.

— Сердцу всё равно, какая рука не работает, — сказал Егор.

— А детям есть не всё равно.

Лем показал на Таю и ещё двух мальчиков. Ни один не был похож на него.

— Пока принимаю, им оставляют хлебную долю.

— А когда умрёте?

— Перепишут на другого.

Это прозвучало без злости. Как ответ о погоде.

Егор поднялся к Савелу. Тот выгнулся на лежанке, хватая ртом воздух. Рава удерживала его плечи.

— Пульс почти не нахожу.

Егор нащупал сонную артерию. Удары были редкими, потом исчезли.

— Савел! Слышите меня?

Ответа не было. Егор выпрямил ему голову, проверил дыхание. Один судорожный вдох — и тишина.

— На пол.

Они стащили Савела с узкой лежанки. Егор положил ладони на середину груди и начал надавливать. Рёбра пружинили плохо. После тридцатого нажатия Рава вдохнула воз-

дух через ткань, потом ещё раз. Егор продолжил.

Внизу запела дуга.

С каждым её низким звуком круглый рубец на груди Егора становился горячее. Перед глазами дрогнул потолок. На миг вместо закопчённых балок он увидел белую лампу, трубку над собственным ртом и женскую руку в синей перчатке. Земная реанимация возникла так близко, что можно было различить наклейку на прозрачном шланге.

Егор моргнул. Комната вернулась.

— Не смейте открывать! — крикнул он вниз, не прекращая нажатий.

Мира что-то ответила, но слова утонули в гуле. Под ладонями Савела хрустнуло ребро. На Земле этот звук всегда бил по нервам новичкам. Егор давно знал: сломанное ребро лучше, чем целая грудная клетка мёртвого.

— Меняемся, — сказала Рава.

Она встала на его место. Егор проверил дыхание и снова нащупал шею. Пусто.

Снизу раздался удар, звон металла и детский плач. Гул оборвался.

Они продолжали ещё долго. Настолько, чтобы руки Равы начали сбиваться, а Егор сменил её дважды. Настолько, чтобы надежда превратилась в работу, а работа — в признание предела.

Наконец Егор положил ладонь на плечо мастерицы.

— Всё.

Она сделала ещё два нажатия и остановилась.

В комнате стало слышно, как в печи оседают угли.

Старшая стояла у двери. Она не плакала.

— Если бы дуга открылась, он бы жил? — спросила она.

Егор сел на пятки. Руки дрожали от усталости.

— Не знаю. Если бы приступ сняли раньше, возможно. Но кто-то другой получил бы то же самое. А сейчас было поздно даже для ворот.

— Дворец скажет, что вы его убили запретом.

— Дворец прислал сюда смерть под названием «теснота».

Он накрыл лицо Савела краем простыни и спустился.

Медная дуга лежала на боку. Варн держал одного помощника лицом к стене. Второй сидел на полу, зажимая разбитый нос. Брет прижимал к груди книгу. Мира стояла между ним и людьми двора, её левая рука безвольно висела. На полу валялась деревянная палочка с насечками.

Лем сидел у печи. Он был жив. Тая держала его за здоровую руку.

— Кто ударил первым? — спросил Егор.

— Я, — сказала Мира.

— Плечом?

— Книгой.

— Это была улика.

— Теперь две улики.

Она кивнула на чёрную доску. По её поверхности бежали тусклые строки. Дуга успела коснуться круга, но перенос не

завершился. В списке светились не имена, а номера: семнадцатый двор, второй взрослый круг; двадцать первый двор, четвёртый взрослый круг; девятый двор, первый запасной.

Ниже стояла строка, которой не было в восковой ведомости: «Округ Западная Мель, книга четыре, остаток распределить поровну».

— Что такое Западная Мель? — спросила Мира.

Брет молчал.

Старшая семнадцатого дома ответила за него:

— Место, откуда привезли половину нашего двора.

— Когда?

— После победы. Сказали, в округе мор и переселение спасёт оставшихся.

— Вас привезли как больных?

— Как должников. За дорогу, жильё и лечение, которого не было.

Мира осторожно присела возле доски. Свет уже гас, но она успела переписать строку на чистую восковую пластину.

— Почему окружная книга указана в столичном назначении?

Брет пожал плечами.

— Техническая пометка.

— Простыми словами.

— Если столичный двор не набирает нужное число приёмников, остаток уходит в округ.

По комнате прошёл шорох. Люди знали, что их болезни

приходят из дворца. Они не знали, что сами были только первым рядом перед кем-то ещё более далёким.

— Сколько таких окружных книг? — спросила Мира.

— Я не считаю.

— Кто считает?

— Управление.

— Кайрен Восс?

— Главный маг утверждает порядок. Имена ведут писцы.

— Значит, он знает, что приступ, не принятый Лемом, отправился бы в Западную Мель.

— Он знает правила сети.

— Это и был вопрос.

Мира велела Варну задержать сборщиков и опечатать дугу. Брет впервые потерял спокойствие.

— Вы не можете оставить двор без назначений. Им перестанут выдавать хлеб.

— Кто распоряжается выдачей?

— Долговое управление.

— А оно подчиняется?

— Казне.

— Не коронным воротам?

Брет отвёл взгляд.

Старшая коротко рассмеялась.

— На бумаге наш хлеб выдаёт казна. На складе сидит человек Кайрена. Бумагу можно есть, только если сварить с корой.

Мира повернулась к Варну.

— Пошлите двоих к судье. Пусть потребуют зерно со склада на три дня как содержание свидетелей.

— Всего двора?

— Всей улицы. Если управление решит наказать людей голодом, мне нужны свидетели, которые это увидят.

— Острен вас возненавидит.

— Пусть встанет в очередь.

Егор попросил собрать больных во дворе, но люди не двинулись. Они смотрели на Савелову занавесь и на опрокинутую дугу.

— Я не буду открывать ворота, — сказал он. — И не обещаю вылечить всё. Хочу понять, кому сейчас хуже всего, перевязать раны, проверить дыхание и решить, кого нельзя оставлять одного.

— Потом запишете лечение в долг, — сказал старик с кривой ногой.

— Нет.

— Все так говорят в первый день.

Егор поднял скованные руки.

— Мне нечем записывать ваши долги. Свой уже не помещается.

Тая первой вынесла во двор табурет. За ней Лем помог подняться женщине со свистящим дыханием. Потом открылась дверь соседнего дома, ещё одна, ещё. Люди выходили медленно, не доверяя ни Мире, ни караулу, ни врачам. Но

они знали, как выглядит опечатанная дуга. Знали, что сегодня она не выбрала никого.

Во дворе поставили три скамьи. На первую Егор просил садиться тех, кому трудно дышать или кто чувствует боль в груди. На вторую — людей с кровью, свежими ранами и высокой горячкой. Остальные ждали у стены. Он не называл это сложным словом из своей работы. Просто говорил: сначала те, кто может умереть сейчас; потом те, кому станет хуже к вечеру; затем остальные.

Рава слушала грудь и раздавала то небольшое, что привезла в ящике. Мира записывала имена. Настоящие имена, не номера домов. Варн с солдатами носил воду из соседней улицы, потому что Сухой колодец действительно был сухим.

У двенадцати человек обнаружились следы недавних переносов. У женщины по имени Дана отекала половина лица после того, как неизвестной госпоже сняли зубную боль. У пятнадцатилетнего Рома не разгибались два пальца: ему достался ожог руки. Старик Иллар носил на спине четыре ровных рубца от разных операций, хотя ни одной операции ему не делали. Он принимал за старшего писца, пока тот был жив, а после смерти писца долг перешёл к его вдове и продолжал кормить Иллара болью.

— Почему не ушли? — спросил Егор.

Иллар показал деревянную палочку у своей лежанки.

— Каждая насечка — хлебный день. Если уйду, их пересчитают в серебро и повесят на дочерей. А где спрячешься

от двери, если имя уже в книге?

К полудню у Миры было сорок три имени и девять упоминаний Западной Мели. Переселенцы жили в разных домах, но всех внесли в запасные круги. У одних в бумагах значилась плата за дорогу, у других — за обеззараживание одежды, у третьих — за место на кладбище для родственника, умершего ещё до переселения.

Савела вынесли последним. Тая положила ему на грудь деревянную палочку без насечек.

— Чтобы там не был должен, — объяснила она.

Старшая назвала наконец своё имя — Лида Нар. Она поставила отпечаток большого пальца под показаниями, но потребовала приписать: Савел умер во время остановленного назначения, и никто в доме не знает, спасла бы его дверь.

— Правильно, — сказал Егор.

Мира посмотрела на него.

— Управление использует эту оговорку против нас.

— Если убрать её, мы станем врать так же, как они.

Она добавила строку.

Перед отъездом Лида отвела Егора к засыпанному колодцу. Под железной чашей, между камнями, был спрятан свёрток промасленной ткани. Внутри лежали узкие полосы бересты с именами и датами.

— Мы записываем умерших, — сказала она. — Управитель забирает палочки и говорит, что долг закрыт естественной смертью. А через месяц то же имя появляется в другом

доме. Иногда ребёнок получает болезнь за покойника, потому что его называли в честь деда.

— Почему отдаёте мне?

— Не вам. Ей.

Лида кивнула на Миру.

— Осуждённого повесят через семь дней. Следовательно, может быть, только выгонят.

— Умеете обнадёжить, — сказала Мира.

Она развернула одну полоску. На обороте стоял выцветший знак: мельничное колесо, перечёркнутое вертикальной чертой.

Тот же знак Егор видел среди рубцов на левом боку Арсена.

Он поднял рубаху. Лида не отшатнулась. Провела пальцем рядом с белой дугой, не касаясь кожи.

— Западная Мель, четвёртая книга, — сказала она. — Таким клеймили тех, кого привезли первым обозом.

— Арсен там был?

— Не знаю. Но через эту книгу он что-то принимал. Иначе знак не лёг бы на тело.

На улице ударил далёкий колокол. Им пора было возвращаться к судье.

Мира спрятала бересту под одежду, отдельно от официальных доказательств. Дощечку с окружной строкой отдала Варну. Если их остановят, хотя бы одна запись должна добраться до Острена.

Егор сел в повозку. Варн снова закрепил цепь в кольцо. На обратном пути Сухой колодец исчез за дымом, но запах горькой коры ещё долго держался в одежде.

— Сегодня мы остановили один перенос, — сказал Егор. — А сколько дверей открылись, пока мы были там?

Мира перебирала полосы с именами.

— В столице — не знаю. В округах — никто не считает для суда.

— Брет сказал, что остаток распределяют поровну. Значит, один приступ можно раздробить на десятки людей. Каждый получит немного, связь не увидят.

— А если собрать смерти за один день по всем окружным книгам, увидим число.

— Если книги сохранились.

— Арсен сохранил карту на себе.

Повозка свернула к центру. Навстречу тянулись телеги с досками, бочками и свежей соломой для северного поля. На каждой третьей стояла медная дуга под брезентом.

Егор насчитал семь, прежде чем Варн задёрнул занавес.

На груди снова нагрелся рубец Западной Мели.

Теперь он знал: тело Арсена было не только списком дверей. Оно помнило людей, которых за этими дверями старались заменить числами.

Глава 8. Помощь без перехода

Зерно пришло без разрешения судьи.

На рассвете у въезда в Сухой колодец остановились две армейские телеги. Варн сидел на первой рядом с возницей, держа на коленях незапечатанное письмо Острена. Судья всю ночь спорил с казначейством, а потом велел выдать свидетелям трёхдневный паёк. Казначей ответил, что не признаёт весь долговой двор свидетелем. Тогда Варн забрал зерно из запаса собственного караула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.